

МУСА
ДЖАЛИЛЬ

1942 -
- 1944

МОАБИТСКАЯ
ТЕТРАДЬ

До нас дошли две маленькие, размером с детскую ладошку тетрадки с моабитскими стихами Джалиля. Первая из них содержит 62 стихотворения и два фрагмента, вторая – 50 стихотворений. Двадцать из них, очевидно, те, которые поэт считал наиболее важными, повторяются в обеих тетрадках. Таким образом, моабитский цикл содержит 92 стихотворения и два отрывка. Первую тетрадь вынес из Моабитской тюрьмы бывший узник этой тюрьмы, советский военнопленный Габбас Шарияев. В лагере Ле-Пюи во Франции он передал тетрадку военнопленному Нигмату Терегулову. В марте 1946 г. Н. Терегулов приехал в Казань и передал тетради Мусы Джалиля и Абдуллы Алиша вдове А. Алиша Р. Тюльпановой, которая, в свою очередь, отдала их председателю Союза писателей Татарии А. Ерикею.

Тетрадь Джалиля сшита из разрозненных клочков бумаги и заполнена убогим арабским шрифтом. На обложке написано химическим карандашом по-немецки (для отвода глаз гитлеровских тюремщиков): «Словарь немецких, тюркских, русских слов и выражений. Муса Джалиль. 1943-44 г.» На последней страничке поэт оставил свое завещание: «К другу, который умеет читать по-татарски а прочтет эту тетрадь. Это написал известный татарский поэт Муса Джалиль... Его история такова: он родился в 1906 году. Имеет квартиры в Казани и Москве. Считается у себя на родине одним из больших поэтов. Он в 1942 году сражался на фронте и взят в плен. В плену испытал все ужасы, прошел через сорок смертей, затем был привезен в Берлин. Здесь он был обвинен в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключен в тюрьму. Его присудят к смертной казни. Он умрет. Но у него останется 116 стихов, написанных в плену и в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 116

старался переписать хотя бы 60 стихотворений. Если эта книжка попадет в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа. Таково мое завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь».

На обороте Джалиль написал список тех, кто был арестован и брошен в тюрьму вместе с ним. Их — 12 человек. «Они обвиняются в разложении татарского легиона, в распространения советской пропаганды, в организации коллективных побегов», — разъяснил поэт. Затем он провел жирную черту и приписал фамилию тринадцатого — предателя, выдавшего подпольную организацию. Кроме того, в блокноте указан адрес семьи Джалиля и Союзов писателей в Москве и Казани.

Вторую тетрадку, напечатанную латинским шрифтом, Муса передал соседу по камере, бельгийскому патриоту Андре Тиммермансу. Тиммерманс смог переслать ее вместе с другими личными вещами на родину, а после войны, уже в 1947 г., передал в Советское консульство в Брюсселе. Эта тетрадь заполнялась позднее. Последнее помещенное здесь стихотворение — «Новогодние пожелания» — написано 1 января 1944 г. В тетрадке есть адрес Джалиля и краткие сведения о нем для тех, кто обнаружит тетрадку: «Муса Джалиль — известный татарский поэт, заключенный и осужденный к смерти за политику в Германии. Тюрьма. М. Джалиль». Слова эти написаны по-русски (на случай, если тетрадь попадет в руки тех, кто о не умеет читать по-татарски). Джалиль выражался осторожно; «за политику», то есть по обвинению в политической деятельности против фашизма.

Вторая тетрадка тоньше первой. Сшитая часть содержит всего 33 стихотворения, после которых поэт оставил горькую

надпись: «В плену и в заточении-1942.9-1943.11 – написал сто двадцать пять стихотворений и одну поэму. Но куда писать? Умирают вместе со мной».

После этого Джалилю, видимо, удалось раздобыть несколько листков бумаги, и он записал на них еще семнадцать стихотворений. Листки эти не подшиты, просто вложены в блокнот.

В настоящем издании стихи моабитского цикла публикуются полностью. Стихи датированы автором. Там, где нет авторских дат, дается предположительная датировка, сопровождаемая знаком вопроса.

ПЕСНЯ ДЕВУШКИ

Милый мой, радость жизни моей,
За отчизну уходит в поход.
Милый мой, солнце жизни моей,
Сердце друга с собой унесет.
Я расстанусь с любимым моим,
Нелегко провожать на войну.
Пусть он будет в боях невредим
И в родную придет сторону.
Весть о том, что и жду, и люблю,
Я джигиту пошлю своему.
Весть о том, что я жду и люблю,
Всех подарков дороже ему.

Июнь 1942

ПИСЬМО

(Песня)

1

Я в затишье меж боями
Говорить задумал с вами,
Вам письмо бы написал.
Эх вы, девушки-сестренки,
Вам письмо бы написал!
В песню вы письмо включите,
И меня вы помяните
На гулянье и в избе.
Эх вы, девушки-сестренки! —
На гулянье и в избе.

2

Не прогнав орды кровавой,
Не поправ врага со славой,
Не вернемся мы домой.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Не вернемся мы домой.
Если к вам не возвратимся,
В ваших песнях возродимся, —
Это счастьем будет нам.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Это счастьем будет нам.

3

Если мы необходимы
Нашей родине любимой,
Мы становимся сильней.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Мы становимся сильней.
Скоро счастье сменит беды,
Так желайте ж нам победы!
Вечно в наших вы сердцах.
Эх вы, девушки-сестренки! —
Вечно в наших вы сердцах!

Июнь (?) 1942

ПЛАТОЧЕК

Простились мы, и с вышитой каймою
Платок родные руки дали мне.
Подарок милой! Он всегда со мною.
Ведь им закрыл я рану на войне.

Окрасился платочек теплой кровью,
Поведав мне о чем-то о родном.
Как будто наклонилась к изголовью
Моя подруга в поле под огнем.

Перед врагом колен не преклонял я,
Не отступил в сраженьях ни на пядь.
О том, как наше счастье отстоял я,
Платочек этот вправе рассказать.

Июль 1942

ПРОСТИ, РОДИНА!

Прости меня, твоего рядового,
Самую малую часть твою.
Прости за то, что я не умер
Смертью солдата в жарком бою.

Кто посмеет сказать, что я тебя предал?
Кто хоть в чем-нибудь бросит упрек?
Волхов — свидетель: я не струсил,
Пылинку жизни моей не берег.

В содрогающемся под бомбами,
Обреченном на гибель кольце,
Видя раны и смерть товарищей,
Я не изменился в лице.

Слезинки не выронил, понимая:
Дороги отрезаны. Слышал я:
Беспощадная смерть считала
Секунды моего бытия.

Я не ждал ни спасенья, ни чуда.
К смерти взывал: «Приди! Добей!..»
Просил: «Избавь от жестокого рабства!»
Молил медлительную: «Скорей!..»

Не я ли писал спутнику жизни:
«Не беспокойся, — писал, — жена.
Последняя капля крови капнет —
На клятве моей не будет пятна».

Не я ли стихом присягал и клялся,
Идя на кровавую войну:
«Смерть улыбку мою увидит,
Когда последним дыханьем вздохну».

О том, что твоя любовь, подруга,
Смертный огонь гасила во мне,
Что родину и тебя люблю я,
Кровью моей напишу на земле.

Еще о том, что буду спокоен,
Если за родину смерть приму.
Живой водой эта клятва будет
Сердцу смолкающему моему.

Судьба посмеялась надо мной:
Смерть обошла — прошла стороной.
Последний миг — и выстрела нет!
Мне изменил мой пистолет...

Скорпион себя убивает жалом,
Орел разбивается о скалу.
Разве орлом я не был, чтобы
Умереть, как подобает орлу?

Поверь мне, родина, был орлом я, —
Горела во мне орлиная страсть!
Уж я и крылья сложил, готовый
Камнем в бездну смерти упасть.

Что делать? Отказался от слова,

От последнего слова друг-пистолет.
Враг мне сковал полумертвые руки,
Пыль занесла мой кровавый след...

...Я вижу зарю над колючим забором.
Я жив, и поэзия не умерла:
Пламенем ненависти исходит
Раненое сердце орла.

Вновь заря над колючим забором,
Будто подняли знамя друзья!
Кровавой ненавистью рдеет
Душа полоненная моя!

Только одна у меня надежда:
Будет август. Во мгле ночной
Гнев мой к врагу и любовь к отчизне
Выйдут из плена вместе со мной.

Есть одна у меня надежда —
Сердце стремится к одному:
В ваших рядах идти на битву.
Дайте, товарищи, место ему!

Июль 1942

ВОЛЯ

И в час, когда мне сон глаза смыкает,
И в час, когда зовет меня восход,
Мне кажется, чего-то не хватает,
Чего-то остро мне недостает.

Есть руки, ноги — всё как будто цело,
Есть у меня и тело и душа.
И только нет свободы! Вот в чем дело!
Мне тяжело жить, неволею дыша.

Когда в темнице речь твоя немеет,
Нет жизни в теле — отняли ее,
Какое там значение имеет
Небытие твое иль бытие?

Что мне с того, что не без ног я вроде:
Они — что есть, что нету у меня,
Ведь не ступить мне шагу на свободе,
Раскованными песнями звеня.

Я вырос без родителей, и всё же
Не чувствовал себя я сиротой.
Но то, что для меня стократ дороже,
Я потерял: отчизну, край родной!

В стране врагов я раб тут, я невольник,
Без родины, без воли — сирота.
Но для врагов я всё равно — крамольник,
И жизнь моя в бетоне заперта.

Моя свобода, воля золотая,
Ты птицей улетела навсегда.
Взяла б меня с собою, улетаю,
Зачем я сразу не погиб тогда?

Не передать, не высказать всей боли,
Свобода невозвратная моя.
Я разве знал на воле цену воле!
Узнал в неволе цену воли я!

Но коль судьба разрушит эти своды
И здесь найдет меня еще в живых, —
Святой борьбе за волю, за свободу
Я посвящу остаток дней своих.

Июль 1942

ЛЕС

Закат давно сгорел, — а я стою, гляжу.
Душа полна тяжелой думой,
Гляжу поверх оград — туда, где ближний лес
Вздывается стеной угрюмой.

Там старый партизан, наверно, в этот час
В костер подбрасывает ветки,
Лесного «Дедушки» бесстрашные бойцы
Вернулись только что с разведки.

Товарищ Т. не спит — обдумывает он
План дерзостной ночной атаки,
И словно точат сталь — клинка протяжный звон
Мне чудится в тревожном мраке.

О лес, дремучий лес, пусть меж тобой и мной

Ряды колючих заграждений,
Лишь плоть моя в плену, а гордая душа
Полна безудержных стремлений.

К тебе летит душа — по тропкам потайным
Крадется в полумрак сосновый...
Ложусь ли я во тьме, встаю ли на заре —
Всё чудится твой зов суровый.

О лес, дремучий лес, как ты поешь — зовешь.
Деревья на ветру качая,
Напевам мужества, надежды и борьбы
Меня ночами обучая.

О лес, свободный лес, как для меня тяжел
Позор неволи, гнет мертвящий!
Где прячешь ты моих неведомых друзей —
В какой непроходимой чаще?

О лес, могучий лес, к ним отведи меня,
Дай мне оружие боевое!
Умру — но долг святой исполню до конца
В разгаре яростного боя.

Июль 1942

КРАСНАЯ РОМАШКА

Луч поляну осветил
И ромашки разбудил:
Улыбнулись, потянулись,

Меж собой переглянулись.

Ветерок их приласкал,
Лепестки заколыхал,
Их заря умыла чистой
Свежею росой душистой.

Так качаются они,
Наслаждаются они.
Вдруг ромашки встрепенулись,
Все к подружке повернулись.

Эта девочка была
Не как все цветы бела:
Все ромашки, как ромашки,
Носят белые рубашки.

Все — как снег, она одна,
Словно кровь, была красна.
Вся поляна к ней теснилась:
— Почему ты изменилась?

— Где взяла ты этот цвет? —
А подружка им в ответ:
— Вот какое вышло дело.
Ночью битва здесь кипела,

И плечо в плечо со мной
Тут лежал боец-герой.
Он с врагами стал сражаться,
Он один, а их пятнадцать.

Он их бил, не отступил,
Только утром ранен был.
Кровь из раны заструилась,
Я в крови его умылась.

Он ушел, его здесь нет —
Мне одной встречать рассвет.
И теперь, по нем горюя,
Как Чулпан-звезда горю я.

Июль 1942

СОЛОВЕЙ И РОДНИК

Баллада

1

Чуть займется заря,
Чуть начнет целовать
Ширь полей, темный лес
И озерную гладь, —

Встрепенется от сна,
Бьет крылом соловей
И в притихшую даль
Смотрит с ветки своей.
Там воркует родник,
Птичка рвется к нему,
И тоскует родник
По дружку своему.

Как чудесно, друзья,
Знать, что любят тебя!
Жить на свете нельзя,
Никого не любя!

Птичка любит родник,
Птичку любит родник, —
Чистой дружбы огонь
Между ними возник.

По утрам соловей
Появляется здесь,
Нежной радугой брызг
Омывается весь.

Ах, как рад соловей!
Ах, как счастлив родник!
Кто способен смотреть,
Не любуясь, на них?

2

Разбудила заря
Соловья, как всегда:
Встрепенулся, взглянул
Он туда и сюда.

И спорхнул-полетел
К роднику поскорей.
Но сегодня дружка

Не узнал соловей.

Не смеется родник
Звонким смехом своим,
Он лежит недвижим,
Тяжким горем томим.

Ключевая струя
Замутилась, темна,
Будто гневом она
До предела полна.

Удивился тогда
И спросил соловей:
— Что случилось, мой друг? —
И ответил ручей:

— Нашей родины враг
Тут вчера проходил
И мою чистоту
Замутил, отравил.

Кровопийца, бандит.
Он трусливо бежит,
А за ним по пятам —
Наш отважный джигит.

Знает враг, что джигит
Пить захочет в бою,
Не удержится он,
Видя влагу мою.

Выпьет яда глоток —
И на месте убит,
И от мести уйдет
Кровопийца, бандит...

Друг, что делать, скажи!
Верный путь укажи:
Как беду отвести?
Как героя спасти?
И, подумав, сказал
Роднику соловей:
— Не тревожься, — сказал, —
Не горюй, свет очей.

Коль захочет он пить
На твоём берегу,
Знаю, как поступить,
Жизнь ему сберегу!..

3

Прискакал молодец
С клятвой в сердце стальном,
С автоматом в руках,
С богатырским клинком.

Больше жизни
Отчизна ему дорога.
Он желаньем горит
Уничтожить врага.

Он устал. Тяжелы
Боевые труды.
Ох, сейчас бы ему
Хоть бы каплю воды!

Вдруг родник перед ним.
Соскочил он с коня,
Обессилен от жажды,
От злого огня.

Устремился к воде —
Весь бы выпил родник!
Но защелкал, запел
Соловей в этот миг.

Рядом с воином сел,
Чтобы видел джигит.
И поет. Так поет,
Словно речь говорит!

И поет он о том,
Как могуча любовь.
И поет он о том,
Как волнуется кровь.

Гордой жизни бойца
Он хвалу воздает —
Он о смерти поет,
Он о славе поет.

Сердцу друга хвалу
Воздаёт соловей,
Потому что любовь
Даже смерти сильнее.

Славит верность сердец,
Славит дружбу сердец.
Сколько страсти вложил
В эту песню певец!

4

Но хоть песне внимал
Чутким сердцем джигит,
Он не понял, о чем,
Соловей говорит.

Наклонился к воде,
Предвкушая глоток,
На иссохших губах
Ощутил холодок.

К воспаленному рту
Птица прянула вмиг,
Каплю выпила ту
И упала в родник...

Счастлив был соловей —
Как герой умирал:

Клятву чести сдержал,
Друг его обнимал.

Зашумела волна,
Грянул в берег поток
И пропал. Лишь со дна
Вился черный дымок.

Молодой богатырь
По-над руслом пустым
Постоял, изумлен
Страшным дивом таким...

Вновь джигит на коне,
Шарит стремя нога,
Жаждет битвы душа,
Ищет сабля врага.

Новый жар запылал
В самом сердце, вот тут!
Силы новые в нем
Все растут и растут.

Сын свободной страны,
Для свободы рожден,
Сердцем, полным огня,
Любит родину он.

Если ж гибель придет —
Встретит смертный свой миг,
Как встречали его

Соловей и родник.

Июль 1942

ПТАШКА

Бараков цепи и песок сыпучий
Колючкой огорожены кругом.
Как будто мы жуки в навозной куче:
Здесь копошимся. Здесь мы и живем.

Чужое солнце всходит над холмами,
Но почему нахмурилось оно? —
Не греет, не ласкает нас лучами, —
Безжизненное, бледное пятно...

За лагерем простерлось к лесу поле,
Отбивка кос там по утрам слышна.
Вчера с забора, залетев в неволю,
Нам пела пташка добрая одна.

Ты, пташка, не на этом пой заборе,
Ведь в лагерь наш опасно залетать.
Ты видела сама — тут кровь и горе,
Тут слезы заставляют нас глотать.

Ой, гостья легкокрылая, скорее
Мне отвечай: когда в мою страну
Ты снова полетишь, свободно рея?
Хочу я просьбу высказать одну.

В душе непокоренной просьба эта

Жилищею была немало дней.
Мой быстроекрылый друг! Как песнь поэта,
Мчись на простор моих родных полей.

По крыльям-стрелам и по звонким песням
Тебя легко узнает мой народ.
И пусть он скажет: «О поэте весть нам
Вот эта пташка издали несет.

Враги надели на него оковы,
Но не сумели волю в нем сломить.
Пусть в заточенье он, поэта слово
Никто не в силах заковать, убить...»

Свободной песней пленного поэта
Спешу, моя крылатая, домой.
Коль сам погибну на чужбине где-то,
То будет песня жить, в стране родной!

Август 1942

БЫЛЫЕ НЕВЗГОДЫ

Боль минувших невзгод
И мучений былых —
Всё в забвенье уйдет,
Словно не было их...

Ночь промчится, а там —
С днем встречаемся мы,
Любо, весело нам,
Словно не было тьмы...

Жизнь, однако, есть жизнь
Оттого-то сильнеей
Память радостных дней
Сохраняется в ней.

Тем сердца и живут —
Не смолкает в них зов
Драгоценных минут
И счастливых часов.

Сентябрь 1942

НЕОТВЯЗНЫЕ МЫСЛИ

Нелепой смертью, видно, я умру:
Меня задавят стужа, голод, вши.
Как нищая старуха, я умру,
Замерзнув на нетопленной печи.

Мечтал я как мужчина умереть
В разгуле ураганного огня.
Но нет! Как лампа, синим огоньком
Мерцаю, тлею... Миг — и нет меня.

Осуществления моих надежд,
Победы нашей не дождался я.
Напрасно я писал: «Умру смеясь».
Нет! Умирать не хочется, друзья!

Уж так ли много дел я совершил?

Уж так ли много я на свете жил?..
Но если бы продлилась жизнь моя.
Прошла б она полезней, чем была.

Я прежде и не думал, не гадал,
Что сердце может рваться на куски,
Такого гнева я в себе не знал,
Не знал такой любви, такой тоски.

Я лишь теперь почувствовал вполне,
Что может сердце так пылать во мне, —
Не мог его я родине отдать,
Обидно, горько это сознавать!

Не страшно знать, что смерть к тебе идет,
Коль умираешь ты за свой народ.
Но смерть от голода?! Мои друзья,
Позорной смерти не желаю я.

Я жить хочу, чтоб родине отдать
Последний сердца гневного толчок,
Чтоб я, и умирая, мог сказать,
Что умираю за отчизну-мать.

Сентябрь 1942

В ПИВНОМ ЗАЛЕ

Ушел я рано из родного дома,
Нигде, друзья, пристроиться не смог.
Уж то-то честь мне, парню слободскому, —
На службу я попал в пивной ларек.

И пиво пью теперь без проволочки,
А прежде отдавал последний грош.
Из донца каждой опустевшей бочки,
Чуть наклоняя, все остатки пьешь.

В уме прикину и даюсь я диву:
Сто бочек ежедневный наш расход.
Но разве в людях уместиться пиву?
А пиво в кружки всё течет, течет...

Мой нос картошкой, на лице румянец,
А голова, раздувшись от паров,
Танцует на плечах веселый танец.
Порой от пива лопнуть я готов.

Артисты и поэты в нашем зале.
И продавцы угля! Любой народ!
Бухгалтеры! Иные прибегали
В надежде, что авось перепадет.

Почетного клиента провожая,
Уж так я рассыпаюсь в похвалах.
Иных гостей за воротник хватаю,
Слегка коленом поддаю в дверях,

Сам черт не страшен мне, как говорится.
Но сам себе я страшен той порой.
Бутылки, люди — всё вокруг кружится,
И, как котел, кипит наш зал пивной.

Чинуша за столом сидит, хмелея,
Десятую уже бутылку пьет.
Его карманы что ни час худее,
Полней зато час от часу живет.

А вот актер. Вчера себе на горе
Сидел у нас, затем, не сняв чалму,
На сцене появился в «Ревизоре»!
И зрители зашикали ему.

Но вдохновенно трудится недаром
Поэт зеленоглазый и рябой.
У нас же он творит — а гонорарам
Он покрывает свой расход пивной.

Вчера опару опере поставил
Известный композитор, а теперь
Опару пивом литров в пять заправил.
И вот опара всходит — верь не верь!

Кассир Гимай зашел на кружку пива,
Когда из банка следовал домой.
А нынче он в милиции. Вот диво!
Повесил нос. Унылый. Сам не свой.

Я крепко тряс, но захмелел он тяжко, —
Не добудился гостя одного.
Он моментально протрезвел, бедняжка,
Когда жена взглянула на него!

И что там загс! Все загсы превзошли мы

Судьбу людей вершим мы день-деньской.
У нас джигит встречается с любимой
Или супруг разводится с женой.

Цирюльнику сосед, сидевший близко,
Так приглянулся, — бритвою своей
Тому соседу, говоря «сосиска!»,
Отрезал нос и ухо брадобрей.

И в тот же день такое чудо было —
Безносого привел цирюльник к нам.
«Я поздно оценил тебя, мой милый!» —
Сказал безносый, волю дав слезам.

Как будто одолжение как другу
Цирюльник оказал, отрезав нос.
Как будто брадобрей своей услугой
Бедняжке избавление принес.

Однажды пекарь из пивного зала
Пришел в пекарню — чуть не падал с ног.
И трубка в тесто у него упала,
Теперь ее из хлеба он извлек!

Пожарника на вахте в сон свалило.
Напившись пива, крепко спал старик.
И некому в набат ударить было,
Когда пожар на каланче возник.

Сгорела вышка! Вот дела какие!
Уволен был пожарник в тот же день.

Да и со мной, друзья мои родные,
Случилась вот такая дребедень.

Откупорил я бочку, пью досыта,
Решил я, братцы, душу отвести.
Из бочки той, что мной была открыта,
Я выпил кружек больше десяти.

Как лоцман тонущего парохода,
Спасаюсь в бочке, сплю спокойно в ней,
Вокруг просторы моря пивзавода,
Я плаваю во сне среди зыбей.

Меня нашли и ну трясти упорно.
На лучшем месте прерван был мой сон.
Сначала допросили для проформы,
Потом из бара вышвырнули вон.

Теперь, друзья, одну мечту лелею —
Податься я хочу на пивзавод.
На новом месте буду поумнее,
Вести себя начну наоборот.

Не стану бочку открывать, что толку!
Я лучше снизу просверлю гвоздем.
И научусь, родные, втихомолку
Тянуть через соломинку тайком.

Сентябрь 1942

ПОЭТ

Всю ночь не спал поэт, писал стихи,
Слезу роняя за слезою.
Ревела буря за окном, и дом
Дрожал, охваченный грозой.

С налету ветер двери распахнул,
Бумажные листы швыряя,
Рванулся прочь и яростно завыл,
Тоскою сердце надрывая.

Идут горами волны по реке,
И молниями дуб расколот.
Смолкает гром. В томительной тиши
К селенью подползает холод.

А в комнате поэта до утра
Клубились грозовые тучи
И падали на белые листы
Живые молнии созвучий.

В рассветный час поэт умолк и встал,
Собрал и сжег свои творенья
И дом покинул. Ветер стих. Заря
Алела нежно в отдаленье.

О чем всю ночь слагал стихи поэт?
Что в этом сердце бушевало?
Какие чувства высказав, он шел,
Обласканный зарею алой?

Пускай о нем расскажет бури шум,
Ваш сон вечерний прерывая,
Рожденный бурей чистый луч зари
Да в небе тучка огневая...

Октябрь 1942

РАССТАВАНЬЕ

Как трудно, трудно расставаться, зная,
Что никогда не встретишь друга вновь.
А у тебя всего-то и богатства —
Одна лишь эта дружба да любовь!
Когда душа с душой настолько слиты,
Что раздели их — и они умрут,
Когда существование земное
В разлуке с другом — непосильный труд, —
Вдруг от тебя навек уносит друга
Судьбы неумолимая гроза.
В последний раз к губам прижались губы,
И жжет лицо последняя слеза...
Как много было у меня когда-то
Товарищей любимых и друзей!
Теперь я одинок... Но все их слезы
Не высыхают на щеке моей.
Какие бури ждут меня — не знаю,
Пускай мне кожу высушат года,
Но едкий след слезы последней друга
На ней я буду чувствовать всегда.
Немало горя я узнал на свете,
Уже давно я выплакал глаза,
Но у меня б нашлась слеза для друга —

Свидания счастливая слеза.
Не дни, не месяцы, а годы горя
Лежат горою на моей груди...
Судьба, так мало у тебя прошу я:
Меня ты счастьем встречи награди!

Октябрь 1942

ЛЕКАРСТВО

Заболела девочка. С постели
Не вставала. Глухо сердце билось.
Доктора помочь ей не умели,
Ни одно лекарство не годилось.

Дни и ночи в тяжких снах тянулись,
Полные тоски невыразимой.
Но однажды двери распахнулись,
И вошел отец ее любимый.

Шрам украсил лоб его высокий,
Потемнел ремень в пыли походов.
Девочка переждала все сроки,
Сердце истомили дни и годы.

Вмиг узнав черты лица родного,
Девочка устало улыбнулась
И, сказав «отец» — одно лишь слово,
Вся к нему навстречу потянулась.

В ту же ночь она покрылась потом,
Жар утих, прошло сердцебиенье...

Доктор бормотал тихонько что-то,
Долго удивляясь исцеленью.
Что ж тут удивляться, доктор милый?
Помогает нашему здоровью
Лучшее лекарство дивной силы,
То, что называется любовью.

Октябрь – ноябрь (?) 1942

МЕЧ

Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет.

Александр Невский

«Клинок с чеканной рукоятью
Тяжел на поясе твоём,
И сапоги покрыты пылью, —
Ты утомлен, войди в мой дом.

И шелковое одеяло
Я постелю, желанный мой,
Омыть и кровью и слезами
Успеешь грудь земли сырой».

И голос молодой хозяйки
Немецкий услышал майор,
Он в дом вошел, дверями хлопнул
И смотрит на нее в упор.

«Кто ты, красавица, не знаю.
Но ты годишься для любви.
Обед готовь, достань мне водки

И поскорей в постель зови».

Сварила курицу хозяйка
И водку льет ему в стакан.
Глазами масляными глядя,
Майор ложится, сыт и пьян.

Тогда она, покорна с виду,
Сняв сапоги с «господских» ног,
Берет мундир серо-зеленый
И разукрашенный клинок.

И, развалившись кверху брюхом,
Объятий сладких ждет майор.
Но вдруг он видит над собою
Блеск стали и горящий взор.

«Ты осквернил мой край родимый,
Ты мужа моего убил —
И раскрываешь мне объятья,
Чтоб утолить свой подлый пыл!

Ты пожелал, чтоб я ласкала
Моей отчизны палача?
О, нет! Кто к нам с мечом приходит.
Тот погибает от меча».

И до чеканной рукояти
Клинок ему вонзился в грудь.
Майор, головорез отпетый,
Окончил свой бесславный путь.

Он угощением сыт по горло.
Кровь заструилась, клокоча.
«Умри! Кто к нам с мечом приходит,
Тот погибает от меча».

Октябрь – ноябрь (?) 1942

ЗВОНОК

Однажды на крыльце особняка
Стоял мальчишка возле самой двери,
А дотянуться пальцем до звонка
Никак не мог — и явно был растерян.

Я подошел и говорю ему:
«Что, мальчик, плохо? Не хватает роста?..
Ну, так и быть, я за тебя нажму.
Один звонок иль два? Мне это просто».

«Нет, пять!» Пять раз нажал я кнопку.
А мальчик мне: «Ну, дяденька, айда!
Бежим! Хоть ты большой смельчак, а трепку
Таковую нам хозяин даст — беда!»

Декабрь 1942

ЛИШЬ БЫЛА БЫ ВОЛЮШКА

1

Если б ласточкой я был,
Если б крыльями я бил,
В час, как солнышко зайдет

И Чулпан-звезда взойдет,
Дом родной, страна моя,
Прилетел к тебе бы я,
Только свет заря прольет.

2

Был бы рыбкой золотой,
В час, когда волной крутой
Белая кипит река,
Затопляя берега,
Тонкобедрая моя,
Верь, приплыл к тебе бы я,
Лишь туман падет в луга.

3

Был бы быстрым я конем,
В час, когда живым огнем
На траве роса блеснет,
Ветер гриву разовьет,
Дочь моя, звезда моя,
Прибежал к тебе бы я,
Лишь цветами ночь дохнет.

4

Нет, лишь воля мне мила,
Лишь бы воля мне была —
Я бы саблю в руки взял,
Карабин свой верный ваял,
Край любимый мой, тебя
Защитил бы я, любя,
В славной битве храбро пал!

1942

РАБ

Поднял руки он, бросив винтовку,
В смертном ужасе перед врагом.
Враг скрутил ему руки веревкой
И погнал: его в тыл под бичом,
Нагрузив его груза горою,
И — зачеркнут он с этой поры.
Над его головой молодою
Палачи занесли топоры.
Словно рабским клеймом ненавистным,
Он отмечен ударом бича,
И согнулось уже коромыслом
Тело, стройное, как свеча.
Разве в скрюченном этом бедняге
Сходство с воином в чем-нибудь есть?
У него ни души, ни отваги.
Он во власти хозяина весь.
Поднял руки ты перед врагами —
И закрыл себе жизненный путь,
Оказавшись навек под бичами.
То, что ты человек, — позабуди!
Только раз поднял руки ты вверх —
И навек себя в рабство ты вверг.
Смело бейся за правое дело,
В битве жизни своей не жалей.
Быть героем — нет выше удела!
Быть рабом — нет позора черней!

Январь 1943

ХАДИЧА

Хадича тонка, как ветка,
И с гуляния нередко
За полночь она приходит:
Любит погулять соседка.

Старый сторож рано что-то
Затворил вчера ворота
И заснул к ее приходу.
Как же быть ей? Вот забота!

Ночевать под лунным светом
У забора даже летом
Нелегко, будь даже совесть,
Как лицо, чиста при этом.

Хадича, уняв досаду,
Стала лезть через ограду
И о гвоздь внезапно юбку
Порвала, беря преграду.

Девушка, войдя в светелку,
Поступила б не без толку,
Если бы не поленилась
Ниткою взнудать иголку.

Но она сказала: «Поздно.
Ишь как небо нынче звездно».
И, отдавшись сну безвольно,
Поступила несерьезно.

Утром, скинув одеяло,
Потянулась, еле встала
И помчалась на работу:
Времени осталось мало.

А в дороге, эка жалость,
Ножка слишком обнажалась,
Но ужасно модной юбка
Встречным женщинам казалась.

День прошел. И вот потеха:
Юбки, чтоб достичь успеха,
Женский пол разрезал сбоку.
Чуть не плачу я от смеха.

Изменяясь, как погода,
День живет порою мода.
Если б юбку в час прихода
Хадича вчера зашила,
Не испортилась бы мода.

Девушки, весной и летом,
Внемля дружеским советам,
Не гуляйте слишком поздно,
Очень вас прошу об этом.

В час, когда луна в зените,
Вы преграды не берите
И, порвав еще что-либо,
Модным это не зовите!

12 февраля 1943

ЛЮБОВЬ И НАСМОРК

Я помню юности года,
Свидания и ссоры.
Любил смертельно я тогда
Красотку из конторы.
И, как поведал бы о том
Поэт, чуждаясь прозы,
Моя любовь, горя огнем,
Цветы дала в морозы.

Схватил в ту пору насморк я
И, словно в наказанье,
Платок свой позабыл, друзья,
Отправясь на свиданье.

Прощай, любовь! Погиб успех!
Сижусь. Из носа льется.
И нос, как будто бы на грех,
Бездоннее колодца.

Что делать мне? Что предпринять?
Не насморк, а стихия.
«Душа моя» — хочу сказать,
А говорю: «Апчхи!» — я.

За что страдания терплю?
Робеть я начал, каюсь.
Хочу произнести «люблю»,
Но не могу — сморкаюсь.

И вот, расстроенный до слез,
Вздохнул я очень страстно,
Но мой неумолимый нос
Тут свистнул безобразно.

Любовь и насморк не хотят
Между собой ужиться.
И хоть я в том не виноват,
Мне впору удавиться.

Такой не ждал я чепухи!
Опять щекочет в глотке.
«Я... я... апчхи... тебя... апчхи..»
Что скажешь тут красотке?
Я за руку подругу взял,
Я осмелел, признаться,
Но стал пузырь — чтоб он пропал!
Под носом надуваться.

Смотрю: девчонка хмурит бровь,
И понял я, конечно,
Что, как пузырь, ее любовь
Тут лопнула навечно.

И слышу, сжавшись от стыда:
«В любви ты смыслишь мало.
Ты, прежде чем идти сюда,
Нос вытер бы сначала».

Она ушла. Какой позор!
И я с печальным взглядом

Пошел (подписан приговор)
К аптекарю за ядом.

«Прольешь, красотка, вдоволь слез
Ты за мои мытарства!» —
Я в пузырьке домой принес...
От насморка лекарство.

И не встречал уж я, друзья,
С тех пор ее ни разу.
Так излечился в жизни я
От двух болезней сразу...

В сырой темнице стынет кровь.
И горе сердце ранит.
Нет, даже с насморком любовь
Ко мне уж не заглянет.

Март 1943

ВОЛКИ

Люди кровь проливают в боях:
Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи, вблизи
Рыщут волки всю ночь напролет.

Разгораются волчьи глаза:
Сколько мяса людей и коней!
Вот одной перестрелки цена!
Вот ночной урожай батарей!

Волчьей стаи вожак матерой,
Предвкушением пира хмелен,
Так и замер: его пригвоздил
Чуть не рядом раздавшийся стон.

То, к березе припав головой,
Бредил раненый, болью томим,
И береза качалась над ним,
Словно мать убивалась над ним.

Все, жалеючи, плачут вокруг,
И со всех стебельков и листков
Оседает в траве не роса,
А невинные слезы цветов.

Старый волк постоял над бойцом.
Осмотрел и обнюхал его,
Для чего-то в глаза заглянул,
Но не сделал ему ничего...

На рассвете и люди пришли.
Видят: раненый дышит чуть-чуть.
А надежда-то все-таки есть
Эту искорку жизни раздуть.

Люди в тело загнали сперва
Раскаленные шомпола,
А потом на березе, в петле,
Эта слабая жизнь умерла...

Люди кровь проливают в боях:

Сколько тысяч за сутки умрет!
Чуя запах добычи вблизи,
Рыщут волки всю ночь напролет.

Что там волки! Ужасней и злей —
Стаи хищных двуногих зверей.

Март 1943

ВЛЮБЛЕННЫЙ И КОРОВА

Мне без любимой белый свет не мил,
В ее руках — любовь моя и счастье.
Букет цветов я милой подарил —
Пусть примет он в моей судьбе участие.

Но бросила в окно она букет, —
Наверно, я не дорог чернобровой.
Смотрю — мои цветы жует корова.
Мне от стыда теперь спасенья нет.

...Корова ест цветы. А той порою
Парнишка весь досадою кипит.
И вот, качая головою,
Корова человеку говорит:

«Напрасно горячишься. Толку мало.
Присядь-ка ты. Подумай не спеша.
Когда бы молока я не давала,
Она была б так разве хороша?

Она кругла, свежа с моей сметаны.

Какие ручки пухлые у ней!
Как вешняя заря, она румяна,
А зубы молока белей».

Притихшему влюбленному сдается:
Права корова. Разве ей легко?
Ведь на лугу весь день она пасется,
Чтоб принести на ужин молоко.

Утешился парнишка. Этим летом
Цветы он близ речушки собирал.
А после к девушке спешил с букетом,
Но все цветы корове отдавал.

Ну, так и быть. Буренку угощаю.
Иной любви, нет, не желаю сам.
Я счастлив оттого, что дорогая
Пьет молоко с любовью пополам!

Май 1943

ОДНОЙ ДЕВУШКЕ

Нежданна, необычна наша встреча,
Ведь ты издалека, и я издалека,
А словно мы давным-давно знакомы —
Сердечно руку жмет твоя рука.

Как звать меня, еще не знаешь толком,
А мне в глаза глядишь с любовью ты, —
Знать, догадалась, чуткая, что чувства
Во мне всегда открыты и чисты.

Немало в жизни мелочей докучных,
Сердящих нас никчемностью пустой,
Но что сравнится с дружбой настоящей —
Такою пылкой, искренней такой?

И что с сияньем глаз твоих сравнится?
Они мне сердце разожгли огнем, —
Всю жизнь, твой взор чудесный вспоминая,
Отныне буду тосковать о нем.

Я сам не понимаю: что за сила
Так глубоко смогла нас породнить?!
Мы не словами — взглядами сумели
Друг другу нашу тайну объяснить.

Ужель твой взор, доверчивый и нежный,
Поэт не смог бы сердцем разгадать?
Язык-то без костей — солжет порою,
А взор, душа моя, не может лгать.

Года пройдут, — с тобою снова встретишь,
Счастливых слез, наверно, не сдержу,
Тебе с волненьем руку пожимая,
«Любимый друг!» — от всей души скажу.

А если разлучат нас ветры жизни —
Тебя опять забросят в дальний край,
Вот мой совет: бесценно чувство дружбы,
Смотри, его, родная, не теряй.

Одна теперь мечта: любовью вспыхнув,
Пусть наши души крылья обретут,
Единым корнем сок любви впивая,
Пусть наши жизни ярче расцветут.

Хочу, чтоб годы молодости нашей
В кипенье чувств пылающих прошли.
Любимая, скажи: чудесней счастье
С тобой мы в жизни разве обрели?

Май 1943

САДОВОД

Наш садовод — неугомонный дед.
Ему, пожалуй, девяносто лет,
А он, восход засветится едва,
Уж на ногах; засучит рукава
И в сад с лопатою... Цветы сажать,
Или верхушки яблонь подстригать,
Иль грядки рыть... Как густо там и тут
Фиалки, маки, ягоды растут!
С весною дружно прилетают в сад
Друзья крылатые, — старик им рад.
А в мае, в первых числах, юн и чист,
Березовый зазеленеет лист.
И молодеет дед и се слезой
Глядит на низкий ивнячок косой.
Пройдут года — здесь ивы прошумят,
И молодежь придет, похвалит сад.
А если и умрет он, садовод,
Сад будет жить, цвести из года в год.

И счастлив старый: лиственница-друг
О нем поет, печалась, на ветру.

Май – июль (?) 1943

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Земля!.. Отдохнуть бы от плена,
На вольном побыть сквозняке...
Но стынут над стенами стены,
Тяжелая дверь – на замке.

О, небо с душою крылатой!
Я столько бы отдал за взмах!..
Но тело на дне каземата
И пленные руки – в цепях.

Как плещет дождями свобода
В счастливые лица цветов!
Но гаснет под каменным сводов
Дыханье слабеющих слов.

Я знаю – в объятиях света
Так сладостен миг бытия!
Но я умираю... И это –
Последняя песня моя.

Август 1943

КАПРИЗНАЯ ЛЮБОВНИЦА

Красотка говорила молодая
Царевичу: «Ты ждешь моей любви,
Но чтоб поверить в страсть твою могла я.
Эй, шахский сын, ты брата умертви».

И шахзаде, послушаться не смея,
Пошел и брату голову отсек.
И вот он появился перед нею
И череп положил у милых ног.

Красотка в череп наливает яду,
Любимому его подносит: «Пей!»
Тот яд царевич выпил как отраду...
Любовь слепа и тем стократ сильнее.

Любил я жизнь всем сердцем, и награды
Я наконец дождался, но какой?
Коварная дает мне чашу яда,
Та чаша — череп юности былой!

Август (?) 1943

КЛОП

Холодна тюрьма и мышей полна,
И постель узка, вся в клопах доска!
Я клопов давлю, бью по одному
И опять ловлю — довела тоска.

Всех бы извести, разгромить тюрьму,
Стены разнести, всё перетрясти,

Чтоб хозяина отыскать в дому —
Как клопа словить, да и раздавить.

Сентябрь 1943

ЛЮБИМОЙ

Быть может, годы будут без письма,
Без вести обо мне.
Мои следы затянутся землей,
Мои дороги зарастут травой.

Быть может, в сны твои, печальный, я приду,
В одежде черной вдруг войду.
И смоет времени бесстрастный вал
Прощальный миг, когда тебя я целовал.

Так бремя ожиданья велико,
Так изнурит тебя оно,
Так убедит тебя, что «нет его»,
Как будто это было суждено.

Уйдет твоя любовь. А у меня,
Быть может, нету ничего сильней.
Придется мне в один неожиданный день
Уйти совсем из памяти твоей.

И лишь тогда, вот в этот самый миг,
Когда придется от тебя уйти,
Быть может, смерть тогда и победит,
Лишит меня обратного пути.

Я был силен, покуда ты ждала —
Смерть не брала меня в бою:
Твоей любви волшебный талисман
Хранил в походах голову мою.

И падал я. Но клятвы: «Поборю!» —
Ничем не запятнал я на войне.
Ведь если б я пришел, не победив,
«Спасибо» ты бы не сказала мне.

Солдатский путь извилист и далек,
Но ты надейся и люби меня,
И я приду: твоя любовь — залог
Спасенья от воды и от огня.

Сентябрь 1943

СТАЛЬ

Так закалялась сталь.

Н. Островский

Я и усов еще не брил ни разу,
Когда ушел из дома год назад,
А на плечи легло пережитое,
Как будто мне минуло шестьдесят.

За год один я столько передумал,
Что в голове разбухло и в груди.
И в двадцать лет лицо мое в морщинах,
И поседели волосы, — гляди!

Вся тяжесть слез и пороха и крови
Теперь в ногах осела, как свинец.
Потом свалил меня осколок минный,
Я оперся на палку под конец.

И вот в глазах моих ты не отыщешь
Мальчишеского резвого огня,
Задорно не взлетают больше брови,
И сердце очерствело у меня.

А на лице лишь одного терпенья
Нешуточный, суровый, жесткий след.
Так сразу юность вспыхнула, как порох,
В три месяца сгорела в двадцать лет.

Эх, юность, юность! Где твой вечер лунный,
Где ласка синих, синих, синих глаз?
Там на Дону, в окопах, в черных ямах,
Дороженька твоя оборвалась.

Не в соловьином розовом рассвете,
А в грозовой ночи твой свет блеснул,
И я на дальнем рубеже победы
Тебя кровавым знаменем воткнул...

Но нет во мне раскаянья, не бойся!
Чтобы в лицо победу угадать,
Когда б имел сто юностей, — все сразу
За эту радость мог бы я отдать!

Ты говоришь: у юности есть крылья,

Ей, дескать, надо в облаках парить.
Что ж! Подвиг наш история запомнит
И будет с удивленьем говорить.

Мы сквозь огонь и воду шли за правдой,
Завоевали правду на войне.
Так юность поколения миновала,
Так закалялась сталь в таком огне!

30 сентября 1943

МОГИЛА ЦВЕТКА

Умолк прощальный птичий крик.
И неба синий цвет поблек.
И обессиленно поник —
Под ветром северным — цветок.

И белый снег его замел.
И он в снегу лежит без сил.
Березы белый, гладкий ствол
Надгробьем мраморным застыл.

Метель напориста, жестка.
То слышен рев ее, то стон.
Спокоен крепкий сон цветка.
Глубокий, сладкий, вечный сон.

Но грянет срок — придет весна.
Воды промчится чистый ток.
Земли проснется глубина.
И новый вскинется цветок.

Зимы холодной жду — и я.
Она придет ко мне вот-вот.
Не возродится жизнь моя.
Пусть песнь моя — цветком взойдет.

Сентябрь 1943

ЧАСЫ

Я с любимой сижу,
На лицо ее гляжу,
Мы щебечем и поем
И толкуем о своем.

Я любимую моей
Не обижен — дорог ей.
Лепестки ее ресниц
От смущенья смотрят вниз.

У любимой бровь дугой,
Льются волосы волной,
Но меня разит сильнее
Взгляд красавицы моей.

Предо мной сидит она,
Улыбаясь, как весна,
Лишь одно меня томит —
Вечно милая спешит.

Торопясь уйти назад,
Всё глядит на циферблат.

Молвит: «Нагулялась тут»,
Или молвит: «Дома ждут».

А часы ведут свой счет.
(Кто их к черту разберет!)
Мерный стук — несносен он,
Как церковный скучный звон.

«Не прощайся, — говорю. —
Очень рано», — говорю.
Верит милая часам:
«Мне пора! Ты видишь сам!»

Мне терпеть не стало сил —
За язык часы схватил,
Пусть научатся молчать,
Нас не станут разлучать.

«Чтобы нам счастливей быть,
Ты должна часы забыть!..»
И не видели мы, нет,
Как зарозовел рассвет.

Сентябрь 1943

МИЛАЯ

Милая в нарядном платье,
Забежав ко мне домой.
Так сказала: «Погулять я
Вечерком непрочь с тобой!»

Медленно спускался вечер,
Но как только тьма легла,
К речке, к месту нашей встречи,
Я помчался вдоль села.

Говорит моя смуглянка:
«Сколько я тебя учу!..
Приноси с собой тальянку,
Слушать музыку хочу!»

Я на лоб надвинул шапку,
Повернулся — и бежать,
Я тальянку сгреб в охапку
И к реке пришел опять.

Милая недобрым глазом
Посмотрела: мол, хорош.
«Почему сапог не смазал,
Зная, что ко мне идешь?»

Был упрек мне брошен веский;
Снова я пошел домой,
Сапоги натер до блеска
Черной ваксой городской.

Милая опять бранится:
«Что ж ты, человек чудной,
Не сообразил побриться
Перед встречей со мной?»

Я, уже теряя силы,

Побежал, нагрел воды
И посредством бритвы с мылом
Сбрил остатки бороды.

Но бритье мне вышло боком,
Был наказан я вдвойне.
«Ты никак порезал щеку, —
Милая сказала мне. —

Не судьба, гулять не будем,
Разойдемся мы с тобой,
Чтобы не сказали люди,
Что деремся мы с тобой!»

Я пошел домой унылый.
«Ты откуда?» — друг спросил.
«С речки только что, от милой!» —
Похвалясь, я пробасил.

Я любовью озабочен.
Как мне быть, что делать с ней?
С милою мне трудно очень,
Без нее еще трудней.

Сентябрь 1943

БЕДА

«Есть женщина в мире одна.
Мне больше, чем все, она нравится,
Весь мир бы пленила она,
Да замужем эта красавица».

«А в мужа она влюблена?»
«Как в черта», — скажу я уверенно.
«Ну, ежели так, старина,
Надежда твоя не потеряна!

Пускай поспешит развестись,
Пока ее жизнь не загублена,
А ты, если холост, женись
И будь неразлучен с возлюбленной».

«Ах, братец, на месте твоём
Я мог бы сказать то же самое...
Но, знаешь, беда моя в том,
Что эта злодейка — жена моя!»

Сентябрь 1943

ПРАЗДНИК МАТЕРИ

«Трёх детей, как птенцов,
Я пустила летать...
Расскажите мне всё,
Я их старая мать...
Где мои сыновья?
В даль какую глядеть?
Что готовит им рок —
Победить, умереть?»
С юга голубь летел,
Сел на крышу ее.
«Голубок, всё в крови

Уже сердце мое.
Расскажи, не скрывай,
Где мой старший сынок?»
— «Горе, мать... Он в Крыму...
Бой был слишком жесток...»
Ничего не оказав,
Поседела она...
Чаша горя ее
Была слишком полна.
«Трех детей, как птенцов,
Я пустила летать...
Расскажите мне всё,
Я их старая мать...
Спит мой старший сынок,
Крылья честно сложив.
Ветер, правду скажи, —
Может, средний мой жив?»
Ветер ночью в окно
Старой ставней стучал.
«Ветер, ветер, скажи,
Где ты сына встречал?»
— «Горе, мать... Там, в степи,
Бой был слишком жесток,
Средний сын твой погиб,
Не бросая клинок».
И упала тогда
Навзничь мать у окна.
И от слез, и от слез
Вдруг ослепла она.
«Трех детей, как птенцов,
Я пустила летать...

Расскажите мне всё,
Я их старая мать.
Спят два сына моих,
Крылья гордо сложив...
Не увижу я их...
«Может, младший мой жив?»
Не летит голубок...
Ветра нет у окна...
Но вдруг цокот копыт
Услыхала она.
Горю нету конца...
Сквозь рассветную мглу
Смотрит бедная мать,
Лбом припала к стеклу.
Конь подковами бьет,
Мчится всадник один.
На коне, в орденах,
Возвращается сын.
На погонах — заря!
Травы падают ниц!
И встречает его
Пенье радостных птиц.
«Я не вижу тебя,
Богатырь, подойди...
Сын мой! —
Плакала мать,
Прижимаясь к груди. —
Ты вернулся, мой свет,
Сокол ласковый мой...»
Серебро ее кос
Парень гладил рукой.

— «Ну, не плачь, мать, не плачь,
Нам достаточно слез.
На алмазном клинке
Я победу принес.
Ради наших побед
За Отчизну свою,
Гордо крылья сложив,
Братья пали в бою.
Не тревожь ты их снов,
Не тоскуй, не зови...
Я на знамени нес
Алый цвет их крови...»
Алым шелком глаза свои
Вытерла мать.
И прозрела она,
Чтобы сына видать!
«Трех детей, как птенцов,
Я пустила летать.
Приходите ко мне,
Я их старая мать.
Молоком из груди
Их кормила своей.
Научила парить
Над простором палей!
Двое пали в бою,
В поле кони их ржут...
В этот дом никогда
Сыновья не войдут...
Кровь, что я им дала,
Нет, не пролита зря.
Над страной на древке

Бьется наша заря!
Младший сын мой пришел
И принес ту зарю.
Я горюю порой
И от счастья горю!
Сын обрадовал мать
Своим ратным трудом.
И джигитами полн
Незавидный наш дом.
И как будто мои
Это все сыновья...
И как будто бы в сборе
Вся наша семья...»

Сентябрь 1945

ПУТЬ ДЖИГИТА

Вернулся б джигит, да дорога кружит,
Дорога б открылась, да горы встают.
Не горы – преграда, а орды врага,
Несметные орды пройти не дают.

На камень встает он и точит свой меч,
Пасется оседланный конь на лугу,
И ржет, и как будто зовет седока
Отмстить, отплатить, не остаться в долгу.

«Джигит, торопись, скоро солнце зайдет,
Туманом покроется луг голубой,
Тогда заблудиться недолго в лесу,
Тогда и пути не найти нам с тобой».

«Не бойся, мой конь, неизвестен мне страх.
Ночь — верный помощник — бежит по кустам,
И враг не узнает, что гонимся мы
В глубоких потемках за ним по пятам.

Скакун мой, недаром в туманной дали
Тоскливая песня любимой слышна:
К родному порогу победным путем
На ранней заре приведет нас она».

Сентябрь 1943

ОСУЖДЕННЫЙ

Приговор сегодня объявили:
К смертной казни он приговорен.
Только слезы, что в груди кипели,
Все иссякли... И не плачет он.
Тихо в камере... С ночного неба
Полная луна глядит, грустя.
А бедняга думает, что будет
Сиротой расти его дитя.

Сентябрь 1943

СОН В ТЮРЬМЕ

Дочурка мне привиделась во сне.
Пришла, пригладила мне чуб ручонкой,
«Ой, долго ты ходил!» — сказала мне,
И прямо в душу глянул взор ребенка.

От радости кружилась голова,
Я крошку обнимал, и сердце пело.
И думал я: так вот ты какова,
Любовь, тоска, достигшая предела!

Потом мы с ней цветочные моря
Переплывали, по лугам блуждая;
Светло и вольно разлилась заря,
И сладость жизни вновь познал тогда я.

Проснулся я. Как прежде, я в тюрьме,
И камера угрюмая всё та же,
И те же кандалы, и в полутьме
Всё то же горе ждет, стоит на страже.

Зачем я жизнью сны свои зову?
Зачем так мир уродует темница,
Что боль и горе мучат наяву,
А радость только снится?

Сентябрь 1943

ТЫ ЗАБУДЕШЬ

Жизнь моя перед тобою наземь
Упадет надломленным цветком.
Ты пройдешь, застигнута ненастьем,
Торопясь в уютный, теплый дом.

Ты забудешь, как под небом жарким

Тот цветок, что смяла на ходу, —
Так легко, так радостно, так ярко,
Так душисто цвел в твоём саду.

Ты забудешь, как на зорьке ранней
Он в окно твоё глядел тайком,
Посылал тебе благоуханье
И кивал тебе под ветерком.

Ты забудешь, как в чудесный праздник,
В светлый день рожденья твоего,
На столе букет цветов прекрасных
Радужно возглавил торжество.

В день осенний с кем-то на свиданье
Ты пойдешь, тревожна и легка,
Не узнав, как велико страданье
Хрустнувшего под ногой цветка.

В теплом доме спрячешься от стужи
И окно закроешь на крючок.
А цветок лежит в холодной луже,
Навсегда забыт и одинок...

Чье-то сердце сгинет в день осенний,
Отпылав, исчезнет без следа.
А любовь, признанья, уверенья... —
Всё как есть забудешь навсегда.

Сентябрь 1943

ТЮРЕМНЫЙ СТРАЖ

Он ходит, сторожа мою тюрьму.
Две буквы «Э» блестят на рукавах.
Мне в сердце словно забивает гвоздь
Его тяжелый равномерный шаг.

Под этим взглядом стихло все вокруг —
Зрачки не упускают ничего.
Земля как будто охает под ним,
И солнце отвернулось от него.

Он вечно тут, пугающий урод,
Подручный смерти, варварства наймит,
Охранник рабства ходит у ворот,
Решетки и засовы сторожит.

Предсмертный вздох людской — его еда,
Захочет пить — он кровь и слезы пьет,
Сердца несчастных узников клюет, —
Стервятник только этим и живет.

Когда бы знала, сколько человек
Погибло в грязных лапах палача,
Земля не подняла б его вовек,
Лишило б солнце своего луча.

Сентябрь 1943

ПЕРЕД СУДОМ Черчетский хан

Нас вывели — и казнь настанет скоро.
На пустыре нас выстроил конвой...
И чтоб не быть свидетелем позора,
Внезапно солнце скрылось за горой.

Не от росы влажна трава густая,
То, верно, слезы скорбные земли.
Расправы лютой видеть не желая,
Леса в туман клубящийся ушли.

Как холодно! Но ощутили ноги
Дыхание земли, что снизу шло;
Земля, как мать, за жизнь мою в тревоге
Дарила мне знакомое тепло.

Земля, не бойся: сердцем я спокоен,
Твое тепло я чувствую, храню.
Родное имя повторив, как воин
Я здесь умру за родину свою.

Вокруг стоят прислужники Черчета.
И кровь щекочет обонянье им!
Они не верят, что их песня спета,
Что не они, а мы их обвиним!

Пусть палачи с кровавыми глазами
Сейчас свои заносят топоры,
Мы знаем: правда всё равно за нами,
Враги лютуют только до поры.

Придет, придет день торжества свободы,
Меч правосудья покарает их.
Суровым будет приговор народа,
В него войдет и мой последний стих.

Сентябрь (?) 1943

КОСТЯНИКА

С поля милая пришла,
Спелых ягод принесла,
Я ж сказать ей не решаюсь,
Как любовь моя светла.

Угощает цветик мой
Костяникой в летний зной.
Но любимой губы слаще
Костяники полевой.

8 октября 1948

СОЛЕНАЯ РЫБА

Ты зачем к реке меня отправила,
Раз самой прийти желанья нет?
Ты зачем «люблю» сказать заставила,
Коль не говоришь «и я» в ответ?

Ты зачем вздыхала, как влюбленная,
Если и не думаешь гулять?
Рыбой кормишь ты зачем соленою,

Если мне воды не хочешь дать?

8 октября 1943

ГОРНАЯ РЕКА

Что так шумна, бурна,
Стремительна река,
Хоть здесь ее волна
В раскате широка?

О чем ревут валы
В кипенье седины?
То ль яростью полны,
То ль чем устрашены?

Утихнет вдруг, зальет
Окрестные луга
И ласково поет,
Плеща о берега.

То вновь среди теснин
Гремит о валуны,
Спеша в простор долин,
Бросает падуны.

Иль чьею волей злой
Встревожена вода,
Изменчива порой,
Стремительна всегда?

Не удержался я

И у реки спросил:
«Что ты шумишь, кипишь,
Поток смятенных сил?»

Ответила река:
«Свободою одной
Я грезила века
В темницах под землей.

В глубоких тайниках
Ждала я сотни лет
И вырвалась в горах
На волю, в мир, на свет.

Накопленную страсть,
И ненависть мою,
И счастье каждый час
Всею мощью волн пою.

Теперь свободна я,
Привольно дышит грудь, —
Прекрасна жизнь моя,
Надежен дальний путь.

Я солнцу песнь пою,
Над рабством я смеюсь, —
Вот почему шумлю
И бурно вдаль стремлюсь».

28 октября 1943

ДОРОГИ

Амине

Дороги! Дороги! От отчего дома
Довольно гостил я вдали
Верните меня из страны незнакомой
Полям моей милой земли.

Забыть не могу я Замостье родное
И ширь наших желтых полей.
Мне кажется часто — зовут за собою
Глаза чернобровой моей.

Когда уходил я, дожди бушевали;
Подруга осталась одна.
Не капли дождя на ресницах дрожали
Слезу вытирала она.

С тревогой родные края покидая,
Полсердца оставил я там...
Но, вместе с любовью, и воля стальная
В дороге сопутствует нам.

Дороги, дороги! Людские мученья
На вас оставляли следы.
Скажите, кому принесли огорченье,
Кого довели до беды?

Дороги! Чье смелое сердце впервые
Над вами стремилось вперед?

Надежда крылатая в дали чужие
Кого, как меня, занесет?

Мы странствуем смело. Так юность велела.
И гонят нас волны страстей.
В далеких краях проторили дороги
Не ноги, а чувства людей.

Я с детства, бывало, пускался в дорогу,
Бродягой считая себя.
Тот юный «бродяга» к родному порогу
Вернулся, отчизну любя.

И снова, дороги, в сторонку родную
Ведите из дальних краев.
Я в думах тревожных, по милой тоскуя,
Лечу под отеческий кров.

Октябрь 1943

РУБАШКА

Дильбар поет — она рубашку шьет,
Серебряной иглой рубашку шьет.
Куда там песня! — ветер не дойдет
Туда, где милый ту рубашку ждет.

Бежит по шелку девичья рука,
На девичье лицо тоска легла.
Сердечной тайны шелковый узор
Ведет по следу быстрая игла.

Атласом оторочен воротник,
И позумент на рукавах, как жар.
Как будто всё сердечное тепло
Простой рубашке отдает Дильбар.
В любом узоре слез не сосчитать.
За каждой складкой прячется тоска, —
Пусть носит тайну девичью джигит
У сердца, возле левого соска.

Дильбар поет — она рубашку шьет:
Пускай рубашка милого найдет!
Пускай ее наденет удалец,
С победою вернувшись наконец!

Рубашка сшита. Может быть, вот тут
Еще один узор и бахрома.
Глядит Дильбар с улыбкой на шитье,
Глядит и восхищается сама.

Вдруг заглянул закат в ее окно
И на шелку зарделся горячо,
И кажется Дильбар, что сквозь рукав
Просвечивает смуглое плечо.

Но тут вошел какой-то человек,
Вручил письмо и сразу убежал.
Две строчки на листочке:
«Твой джигит
На поле битвы мужественно пал».

Стоит Дильбар, стоит окаменев.

Ее лицо белее полотна,
Лишь часто-часто задышала грудь,
Как на ветру озерная волна.

«Нет! — говорит. — Не верю!» — говорит.
И замолчала, тяжело вздохнув.
Лишь две слезинки показались вдруг,
На бахrome ресниц ее блеснув.

Затем рубашку тщательно свернув,
Дильбар идет, торопится, бежит.
В почтовом отделении она:
«Отправьте мой подарок», — говорит.

«Но он погиб! Не может получить...»
«Пускай погиб! Везите всё равно.
Пускай убит, пускай землей прикрыт,
Наденьте мой подарок на него.

В моей рубашке оживет джигит —
Сердечный жар в нем должен запылать.
Ведь я его любила всей душой,
Не уставала ждать и тосковать».

На почте люди слушали Дильбар
И согласились: девушка права.
Его нашли, одели — он воскрес.
Сбылись любви правдивые слова.

Восходит солнце. У окна Дильбар
Волнуется, возлюбленного ждет.

Джигит вернулся, ясный, как восход,
И в голубой рубашке к ней идет.

* * *

Ведь это сказка?

Да.

Но ты скажи,

Любовь моя, цветок моей души, —
Не ты ль меня зажгла лучом любви,
Как будто приказала мне: «Живи!»

Плясала смерть передо мной сто раз
На бруствере окопа моего.

Чистейшая любовь твоя сто раз
Меня спасла от гроба моего.

От ста смертей спасла. Из ста смертей
Сто раз я к жизни возвращался вновь.
И вновь в рубашке, вышитой тобой,
Встречал твою горячую любовь.

Октябрь 1943

ПОСЛЕДНЯЯ ОБИДА

С обидой я из жизни ухожу,
Проклятья рвутся из души моей.
Напрасно, мать, растила ты меня,
Напрасно изливала свет очей.

Зачем кормила грудью ты меня?

Зачем ты песню пела надо мной?
Проклятьем обернулась эта песнь.
Свою судьбу я проклял всей душой.

Ответь мне, жизнь: пока хватило сил,
Кто все твои мученья выносил?
Не я ли столько горя перенес,
Пока в моих глазах хватало слез?

Любая тварь вольна нырять и плыть,
Когда захочет жажду утолить.
А мне на смертном ложе не судьба
Запекшиеся губы увлажнить.

Не знал я дружбы... Мне сжимали руки
Оковы — не пожатия друзей.
И солнце в миг моей предсмертной муки
Мне отказало в теплоте лучей.

Пускай умру, но как перед концом
Я не увижу дочери моей?
Как умереть и не припасть лицом
К родной земле, к могиле матери моей?

Зачем в тюрьме я должен умирать,
Своею кровью раны обагрять?
Уж не за то ль, что землю так любил,
Ее тепла совсем лишен я был?

О жизнь! А я-то думал — ты Лейла.
Любил чистосердечно, как Меджнун,

Ты сердца моего не приняла
И псам на растерзанье отдала.

От матери-отчизны отлучен,
В какую даль заброшен я тобой!
Я горько плачу, но моим слезам
Не оросить земли моей родной.

Отчизна, безутешным сиротой
Я умираю тут, в стране чужой.
Пусть горьких слез бежит к тебе поток!
Пусть кровь моя зардеет, как цветок!

Октябрь 1943

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

В мае опять состоится сбор,
Съедутся все друзья.
Звучно ударит в дно хрусталя
Алой дугой струя.
И перебьет застольный хор
Смех, словно шум ручья.

Это о девушках говорится,
О баловницах, конечно:
Ловко умеют они притвориться,
Будто целуют нежно,
А на деле красавицы
Только губами касаются...

Будут свободны чьи-то места,

Кто-то не сможет быть, —
Надо в честь неприбывших друзей
Первый бокал налить:
После таких тяжелых дней
Нам еще жить да жить!

Мы, захмелев чуть-чуть от встречи,
Стулья свои отодвинем,
Встанем, друзья, и, расправив плечи,
Радостный пир покинем.

Пойдем туда, где кровь лилась.
К разрушенным городам!
Ждут на шоссе не дождутся нас
Пятна фугасных ям.

Пусть в тумане рассветной поры
Тракторы загудят!
Пусть играют в лучах топоры!
Пусть хлеба шелестят!
Пусть на улицах городов
Дом за домом встает!
Пусть после битв от наших трудов
Родина вся цветет!

Октябрь 1943

СЕРЖАНТ

Шел с фронта состав,
По рельсам стуча,
Ведя с ними спор.
С сержантом одним

Под грохот колес
Я вел разговор.

Он всё потерял:
И мать, и отца,
И дом, где он рос.
«Куда же, мой друг,
Ты едешь сейчас?» —
Я задал вопрос.

Он молча полез
В нагрудный карман,
Достал письмецо.
И вижу: в слезах —
От радости, что ль? —
Сержанта лицо.

«Два года подряд
Шли письма ее
Сквозь вьюги, снега
Из писем узнал:
С Урала она,
Зовут — Лямига.

И в каждом письме
Всегда находил
Я ласку, тепло, —
И чувство любви,
Как солнечный луч,
Мне в сердце вошло.

И письма ее
У сердца храня,
Я шел на врага.
Я думал: „Пускай
За счастье твое
Умру, Лямига!“

Ты знаешь, мой друг,
Что значит письмо
На фронте для нас?
И вот повидать
Хозяйку письма
Я еду сейчас.

Два года она
Хранила меня
Любовью своей.
Откажет ли мне,
Когда я приду
С победою к ней?!»

...Наш поезд спешит,
Как будто узнал,
Кого он везет.
С улыбкой сержант
Ладонь на карман
Нет-нет, да кладет.

Смущен мой сержант,
Хоть горд, как дитя,
Что с нею знаком.

Как много тепла,
Любви, красоты
В свиданье таком!

«Джигит, — говорю. —
Героя любовь
И ей дорога!
Поверь мне, браток;
Волнуется, ждет
Тебя Лямига!..»

В годину войны
Из писем простых
Любовь родилась.
Как много подруг
Тоскуют вдали
О милых сейчас!..

О девушки!
Вы в родимом краю
Гордиться должны,
Что верой своей
Храните в бою
Героев страны!

Октябрь 1943

ПОМОЩЬ ВЕСНЕ

На помощь солнцу мы пришли,
Чтоб снять с земли и снег и лед,
Уже пора зиме уйти,
Пускай скорей весна идет!

С тех пор как к нам
Пришла зима,
Видали мы немало зла.
Ломай лопатой, бей багром,
Чтобы скорей она ушла.
Она сковала русла рек,
Сковала сильную волну,
Замуровала родники,
Загромоздила всю страну
И исковеркала цветы,
Птиц прогнала из всех садов.
И потому я поднял лом,
Крушить «врага» весны готов.
Пусть реки сбросят шкуру льда,
Пускай свободно потекут,
Пускай, курлыча, журавли
Над нами крылья пронесут.
Пускай вздохнет моя земля,
Освободившись от снегов,
Подымет голову трава.
Трудись, мой друг, без лишних слов,
Оружье есть, и сила есть.
И солнце пикой бьет врага,
Земля устала от зимы,
Нам не нужна ее пурга.
Пусть ручейки, журча, бегут.
Айда-ка, зиму с улиц вон!
Уже она побеждена,
Я слышу скрип ее и стон.
Побеждена! Клади теперь
Лом и лопату на плечо

И марш по молодой траве,
Влюбленный в землю горячо!
Пусть ветки плещут нам в лицо,
Подснежник пусть свой кажет глаз,
Сама ведь это мать-земля
Сейчас цветами дарит нас.

Октябрь 1943

СТРОИТЕЛЬ

Небо в ярких узорах
Кучевых облаков,
К облакам протянулись
Кровли новых домов.

Каждый камень их кладки
Мощь труда отразил.
Сколько сил в человеке —
Созидательных сил!

Из бесчувственной глины,
Холодных камней
Новый дом вырастает
Средь глухих пустырей.

Молодой и красивый,
Он встает на глазах,
Как ребенок в пеленках —
Весь в рабочих лесах.

Воплотит это зданье

Наших рук мастерство,
И взирать с восхищеньем
Будешь, друг, на него.

Кто б ты ни был, хочу я,
Чтоб, вселившись сюда,
День рождения дома
Отмечал ты всегда.
Будь доволен и счастлив
Вместе с милой семьей.
В новый дом переехав,
Пир веселый устрой.

И одна только просьба:
Подними свой бокал
За того, кто упорно
Этот дом воздвигал.

Скоро вырастут всюду
Сотни новых домов,
Порожденные мощью
Наших рук и умов.

Октябрь 1943

К ДВИНЕ

Тоска моя, Двина...
Где взять мне столько силы,
Чтоб повернула вспять
Упругая вода,
Чтоб Родине своей

Ты сына возвратила,
Блеснула чтоб слезой
Падучая звезда...

Мечтал я, в вихрях бурь,
Не ведая предела,
Раскинув руки, плыть
Грозе наперекор...
Но в рабстве день и ночь
Горят душа и тело.
Как мне дышать и жить,
Как вынести позор!

О, если бы я мог,
Не только эти, воды —
Всю прожитую жизнь
Я повернул бы вспять,
Чтоб каждый шаг и вздох
Отдать земле свободы,
Чтоб снова жизнь и песнь
Родной земле отдать.

А сердце до конца
Всё вытерпеть согласно,
Ему бы только жить
В родимой стороне,
Где можно петь и плыть,
Захлебываясь счастьем,
По песенной реке
На вспененной волне.

О, если б ты, земля,
Укрыла прах сыновий, —
Была бы смерть легка,
Где сладок отчий дым.
И пусть не обелиск,
А песня в изголовье
Осталась бы мерцать
Над холмиком моим.

Не в силах больше я
Дышать в ярме неволи.
Мой мозг спален дотла,
Одна душа без дна...
Возьми меня к себе,
Спаси от этой боли,
В объятья быстрых вод
Возьми меня, Двина...

Быть может, в смертный час
Найду я утешенье,
Качаясь на твоих
Разбуженных волнах;
Увидит мой народ,
Как, торопя теченье,
На родину плывет
Мой беспокойный прах.

Тоска моя, Двина...
О, если б можно было
Мне вспять поворотить
Хотя б одну струю, —

Земле б моей родной
Ты тело возвратила
И песню опаленную мою!

Октябрь 1943

МОЛОДАЯ МАТЬ

Горит деревня. Как в часы заката,
Густой багрянец по небу разлит.
Раскинув руки, на пороге хаты
Застреленная женщина лежит.

Малыш озябший, полугодовалый,
Прижался к ней, чтоб грудь ее достать.
То плачет он надрывно и устало,
То смотрит с удивлением на мать.

А сам палач при зареве пожара,
Губя живое на своем пути,
Спешит на запад, чтоб спастись от кары,
Хотя ему, конечно, не уйти!

Сарвар украдкой вышла из подвала,
Поблизости услышав детский крик,
К крыльцу своих соседей подбежала —
И замерла от ужаса на миг.

Ребенка подняла: «Не плачь, мой милый,
Не плачь, тебя я унесу в наш дом».
Она его согрела, и умыла,
И теплым напоила молоком.

Сарвар ласкала малыша впервые,
Впервые в ней заговорила мать,
А он к ней руки протянул худые
И начал нежно что-то лепетать.

Всего семнадцать ей, скажи на милость!
Еще вся жизнь, всё счастье впереди.
Но радость материнства пробудилась
Уже сейчас у девушки в груди.

Родные звуки песенки знакомой
Польются в предвечерней тишине...
Мне в этот час пройти бы мимо дома
И заглянуть бы в то окошко мне!

Сарвар малышку вырастит, я знаю,
В ее упорство верю до конца.
Ведь дочерям страна моя родная
Дарует материнские сердца.

Октябрь 1943

ПОСЛЕДНЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ

У милого взгляда
Волшебная сила.
Ты нежной улыбкой
Меня покорила.

Но я ведь не молод.

Зачем старикану
Волнения, страсти?..
Я сохну, я вяну.

К тебе на свиданье
Спешу я украдкой.
Меня, словно юношу,
Бьет лихорадка:

То пламя сжигает,
То холод по коже.
А ты всех красивей,
А ты всех дороже.

Для счастья довольно
Улыбок лучистых
И чтоб ты коснулась
Седин серебристых.

Далекая юность
Тебя мне послала.
Засмейся, родная!
Я счастлив немало,
Я счастлив немало.

Октябрь 1943

БЕЗ НОГИ

Вернулся я! Встречай, любовь моя!
Порадуйся, пускай безногий я:
Перед врагом колен не преклонял,

Он ногу мне за это оторвал.

Ударил миной, наземь повалил.

«Ты поклонился!» — враг торжествовал.

Но тотчас дикий страх его сковал:

Я без ноги поднялся и стоял.

За кровь мою разгневалась земля.

Вокруг в слезах склонились тополя.

И мать-земля упасть мне не дала,

А под руку взяла и повела.

И раненый любой из нас — таков:

Один против пятнадцати врагов.

Пусть этот без руки, тот — без ноги,

Наш дух не сломят подлые враги.

Сто ног бы отдел, а родной земли

И полвершка не отдал бы врагу.

Ценою рабства ноги сохранить?!

Как ими по земле ходить смогу?

Вернулся я!.. Встречай, любовь моя!

Не огорчайся, что безногий я,

Зато чисты душа моя и честь.

А человек — не в этом ли он весь?

Октябрь 1943

ВАРВАРСТВО

Они их собрали,
Спокойно до боли,
Детишек и женщин...
И выгнали в поле.
И яму себе
Эти женщины рыли.
Фашисты стояли,
Смотрели, шутили...
Затем возле ямы
Поставили в ряд
Измученных женщин
И хилых ребят.
Поднялся наверх
Хищноносый майор,
На этих людей
Посмотрел он в упор.
А день был дождливый,
Касались луга
Свинцовые тучи,
Толкая друг друга.
Своими ушами
Я слышал тогда,
Как реки рыдали,
Как выла вода...
Кричали ручьи,
Словно малые дети...
Я этого дня
Не забуду до смерти.
И солнце сквозь тучи
(Я видел всё это!),

Рыдая, ласкало детей
Своим светом.
Как ветер ревел,
Бессердечен и груб,
С корнями тот ветер
Вдруг вывернул дуб.
Дуб рухнул огромный
Со вздохом тяжелым.
И в ужасе дети
Вцепились в подолы.
Но звук автомата
Сумел вдруг прервать
Проклятье, что бросила
Извергам мать!
У сына дрожали
Ручонки и губки.
Он плакал в подол
Ее выцветшей юбки.
Всю душу ее
На куски разрывая,
Сын будто кричал,
Уже всё понимая:
«Стреляют! Укрой!
Не хочу умирать!»
Нагнувшись, взяла его
На руки мать,
Прижала к груди:
«Ну не бойся, сейчас
Не будет на свете,
Мой маленький, нас...
Нет, больно не будет...

Мгновенная смерть...
Закрой только глазки,
Не надо смотреть.
А то палачи закопают живьем.
Нет, лучше от пули
Мы вместе умрем».
Он глазки закрыл,
Пуля в шею вошла...
Вдруг молния
Два осветила ствола
И лица упавших,
Белее, чем мел...
И ветер вдруг взвизгнул,
И гром загремел.
Пусть стонет земля,
Пусть рыдает крича;
Как магма, слеза
Будет пусть горяча!
Планета!
Живешь миллионы ты лет,
Садам и озерам
Числа твоим нет.
Но видела ль ты
Хоть единственный раз
Позорнее случай,
Чем тот, что сейчас?
Страна моя,
Правда на знамени алом!
Омыто то знамя
Слезами немало.
Огнями той правды

Громи палачей
За детскую кровь
И за кровь матерей!

Октябрь 1943

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Я вновь здоров. И мозг усталый мой
Очистился от мглы гнетущей.
Мой влажен лоб. Он будто бы росой
Покрылся в час зари цветущей.
Я вижу вновь, как светом мир богат,
Я слышу счастья веянья живые.
Так дивно мне и так я жизни рад,
Как будто в эту жизнь вхожу впервые.
И вижу я в чудесном полусне
Лучистой юности сиянье, —
Сиделка наклоняется ко мне,
И нежно рук ее касанье.

Октябрь 1943

УХОДИ, ГОРЕ

Горе, день окончился твой!
Не гости, порости травой.
Как подумаю — никогда
Так не гнула меня беда.

Заслоняя в окошке свет,

Реял черный твой силуэт —
Ты мне душу терзало, зло,
Хищно дни мои стерегло.

Щеки впали. Счастье гоня,
Ты одело в траур меня...
Ныне ж — радость: любимый мой
Победил и пришел домой!

Это, верно, чудится мне:
Милый — в доме, солнце — в окне.
Отступили беда и тьма,
Тьма горюет теперь сама!

Я забыла боль и печаль.
Убрала я черную шаль.
На щеках — румянец зари,
Как я счастлива, посмотри!

Открываю окно: где тень?
Солнце — новое, новый — день.
Всюду радость не видно слез —
Ты, любимый, счастье принес!

В доме всюду цветы теперь!
Отворяем для счастья дверь.
Ты нам, горе, не засти свет —
Для тебя у нас места нет!

Октябрь 1943

БЛОХА

Взял милую я за руки и с ней
Пошел к реке, где так светла вода...
Теснее с каждым шагом и нежней
Друг к другу прижимались мы тогда.

Когда же ручкой пухленькой она
Вдруг обняла меня — попал я в рай!
Слепого счастья чаша, ты полна,
Оно вот-вот польется через край.

Лицом я груб, как скалка для белья,
Красавцем мне вовеки не бывать...
«Наверно, любит», — так подумал я
И девушку решил поцеловать.

Но вдруг укол, а может быть, щипок
Я ощутил... Прервался чудный сон.
Схватился я рукой за левый бок
В чудесный миг так горько потрясен.

«Но что же это?» — думаю.
Тиха, Рука моя за пазуху ползет.
Да это ведь проклятая блоха
Мне счастьем насладиться не дает!

Ну что тут скажешь? Грустные дела!
Раз в жизни сон увидел я такой —
И вот блоха несчастная со зла
Вдруг отнимает радость и покой!

Блоху ловлю, давлю, осатанев,
Ничто не помешает мне уже...
Мой понемногу испарился гнев,
Я даже каюсь чуточку в душе.

Слаба любовь такая и плоха,
Которую, про всё велев забыть,
Какая-то случайная блоха
Одним укусом может погубить!

Но если счастьем полнится душа —
Остерегись досадных мелочей:
Без них любовь светла и хороша,
Без них она прекрасней и полней.

Октябрь 1943

ДРУГУ

А. А.

Друг!
Не горюй, что рано умираем...
Мы не из тех, кто мог с пути свернуть!
Мы умираем — на переднем крае,
Нас перед смертью не в чем упрекнуть.

Ведь жизнь не измеряется годами,
А в списках смерти — мало ли имен?
Но, может быть, и нашей крови пламя
Еще взойдет бессмертием знамен.

Я клятву дал — служить своей Отчизне,

Пока живая кровь гудит во мне.
Да если б ты имел и сотню жизней,
Ты разве их не отдал бы стране!..

Когда сквозь гул фронтов доходят вести,
Ты знаешь, друг, я становлюсь сильнеей.
Как будто я дышу со всеми вместе
Могучей грудью Родины своей.

Но если, шкуру брентную спасая,
Я отступлю, когда земля в огне, —
Мне каждый будет вправе крикнуть:
«Каин» —
И пусть в лицо Отчизна плюнет мне.

Такой не надо «жизни» и вовеки,
Где под тобой огнем горят следы...
На всей земле ни родники, ни реки
Тебе ни капли не дадут воды...

Не хмурься, друг, — мы только искры жизни,
Мы звездочки, летящие во мгле...
Погаснем мы, но светлый день Отчизны
Взойдет на нашей солнечной земле.

И мужество, и верность — рядом с нами,
И всё — чем наша молодость сильна...
Ну что ж, мой друг, не робкими сердцами
Мы встретим смерть. Она нам не страшна.

Нет, без следа ничто не исчезает,

Не вечен мрак за стенами тюрьмы.
И юные — когда-нибудь — узнают,
Как жили мы И умирали мы!

Октябрь 1943

К СМЕРТИ

Из твоих когтистых, цепких лап
Сколько раз спасался я!.. Бывало,
Чуть скажу: «Всё кончено... я слаб!» —
Жизнь мне тотчас руку подавала.

Нет, отказываться никогда
Я не думал от борьбы с тобою:
Побежденным смертью нет стыда,
Стыдно тем, кто сдался ей без боя.

Ты ворчала: «Ну, теперь держись,
Хватит мне играть с тобой, строптивец!»
Я же все упрямее за жизнь
Драться продолжал, тебе противясь.

Знаю, знаю, смерть, с тобой игра
Вовсе не веселая забава.
Только не пришла еще пора
На земной покой иметь нам право.

Иль мне жизнь пришлась не по плечу?
Иль так сладок смертный риск бунтарства?
Нет, не умирать — я жить хочу,
Всё пройдя: тревоги и мытарства.

Стать бы в стороне от бурь и гроз —
Можно тихо жить, не зная горя.
Я шагал сквозь грозы, в бурях рос,
В них с тобой за жизнь, за счастье споря...

Но теперь, надежда, не маячь —
Не помогут прошлые уроки.
В кандалы уж заковал палач
Руки, пишущие эти строки.

Скоро, скоро, может быть к утру,
Смерть навек уймет мою строптивость.
Я умру — за наш народ умру
За святую правду, справедливость.

Иль не ради них я столько раз
Был уже тобой, костлявой, мечен?
Словно сам я — что ни день и час —
Роковой искал с тобою встречи.

Путь великой правды труден, крут,
Но борца на путь иной не тянет.
Иль с победой встретится он тут,
Или смерть в попутчицы нагрянет.

Скоро, как звезда, угасну я...
Силы жизни я совсем теряю...
За тебя, о родина моя,
За большую правду умираю!

Октябрь (?) 1943

Нагрязнул Иоганн — и, клопоча,
Суровый гнев вскипел в душе народа.
Лиши нас солнце своего луча, —
И то бы большей не было невзгоды!

Громя невежества и варварства оплот.
Идя к победе трудною стезею,
Спас солнце человечества народ —
Он это солнце заслонил собою!

Октябрь (?) 1943

УТЕШЕНИЕ

Когда с победой мы придем домой,
Изведем почет и славу,
И, ношу горя сбросив со спины,
Мы радость обретем по праву.

О нашей трудной, длительной борьбе
Живую быль расскажем детям,
И мы, волнуя юные сердца,
Сочувствие и пониманье встретим.

Мы скажем: «Ни подарков, ни цветов,
Ни славословий нам не надо.
Победы всенародной светлый день —
Вот наша общая награда».

Когда домой вернемся мы, друзья, —
Как прежде, для беседы жаркой
Мы встретимся, и будем пить кумыс,

И наши песни петь за чаркой.

Друг, не печалься, этот день взойдет,
Должны надежды наши сбыться,
Увидим мы казанский кремль, когда
Падет германская темница.

Придет Москва и нас освободит,
Казань избавит нас от муки,
Мы выйдем, как «Челюскин» изо льда,
Пожмем протянутые руки.

Победу мы отпразднуем, друзья,
Мы это право заслужили, —
До смерти — твердостью и чистотой
Священной клятвы дорожили...

Октябрь (?) 1943

БУРЯ

Взыграла буря, нам глаза слепя;
С дороги сбившись, кони стали.
За снежной пеленой, невдалеке,
Огни деревни засверкали.

Застыли ноги. Среди сугробов нас
Жестокий ветер гнал с налета,
И, до избы какой-то добредя,
Мы принялись стучать в ворота.

Казалось: не согреться нам. И вот
избе гостеприимной этой

Теплом неожиданным нас встречает печь
И лампа — целым морем света!

Хотелось нам добраться через час
До станции, но вьюга в поле
Дорогу мигом замела, а мы
Сюда попали поневоле.

В избу мы вносим холод, и в сердцах
Мы проклинаяем ветер жгучий.
И тут, улыбку нам даря, она
Выходит, как луна из тучи.

Взглянул и замер я. Глаз отвести
Не в состоянье. Что со мною?
Казалось мне: я встретился с Зухрой.
Казалось мне: я встретился с Лейлою.

Не описать мне красоты такой.
Что стройный тополь перед нею?
А брови серповидные ее?
А губы — лепестков нежнее?

Не описать мне этих нежных щек,
Ни этих ямок, ни румянца,
Ни темно-карих глаз... Не описать
Ресниц порхающего танца.

Нет, всё не то... Здраваясь, она
Нам взгляд глубокий подарила,
И вдруг согрелся я, и сердце вновь

Наполнилось кипучей силой.
Снег застил нам луну, и долго мы,
С дороги сбившись, шли по кругу.
Нас вьюга чудом привела к луне,
А мы бранили эту вьюгу!

И девушка за стол сажает нас
И медом потчует и чаем.
Пускай тяжелый путь нам предстоит, —
Сидим и юность вспоминаем.

Утихла вьюга. На дворе — луна.
Мой друг накинул свой тулуп на плечи,
Заторопился, точно протрезвев,
Прервал взволнованные речи.

Мы тронулись. Как тихо! И плывет
Луна в мерцающей лазури.
Ах, для чего мне тихая луна!
Душа моя желает бури!

И сердце ноет, что-то потеряв,
Встают виденья пред глазами,
Клубится пламя в сердце у меня —
Ветров и ураганов пламя.

Зачем ты, вьюга, завела меня
В поля бескрайние, чужие,
Свалила с ног и бросила меня
В ее ресницы колдовские?

Моя луна осталась позади,
В снегу летучем потонула,
И слишком быстро молодость моя,
Так быстро в бурях промелькнула.

Пускай тебя швырнет то в жар, то в лед,
Закружит в поле... Разве наши
Стремительные бури во сто крат
Застоя тихого не краше?

2 ноября 1943

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Я болел, уже совсем был плох,
Истоцил аптеку по соседству,
Но бледнел, худел всё больше, сох,
Мне не помогали эти средства.

Время шло. Пришлось в больницу
Но и здесь я чах в тоске недужной
Не о той болезни, видно, речь:
Тут лечить не тело — душу нужно.

Это-то и поняла одна
Девушка, мой новый врач палатный:
Укрепляла сердце мне она
Взглядами, улыбкою приятной.

Ну, конечно, был тогда я хвор,
Верно, и физической болезнью,
Но определил врачебный взор
Главную — и чем лечить полезней.,

И теперь, во вражьем заточенье,
Вспоминаю благодарно я
Твой диагноз и твое лечение,
Лекарша прекрасная моя.

2 ноября 1943

СОСЕДИ

У нас с соседом нелады,
Живем с соседом плохо.
В любое время жди беды,
Нежданного подвоха.

Белье развешу — как на грех,
Сосед золу выносит,
Сгребу ли я к забору снег —
Он по двору разбросит.

Капусту нынешней весной
Я посадил за домом
И жду, что скажет недруг мой,
Каким грозит разгромом?

Моя капуста между тем
Цветет, растет, как надо.
Мечтаю: «Пирог поем», —
И на душе отрада...

Не зря предвидел я грозу:
Однажды в день базарный
Сосед привел домой козу...

О, замысел коварный!

«Да поглотит, — я возопил, —
Земля скотину эту!»
Козу я смертным боем бил,
Но сжить не смог со света.

Чуть утро — гостья под окном,
Стучат копытца смело.
И так, кочан за кочаном,
Весь огород объела.

Похож мой бедный огород,
Истоптанный плутовкой,
На город, взятый в оборот
Ночной бомбардировкой.

Прощусь с капустой — так и быть!
Решил я втихомолку,
А чтоб соседу досадить,
Завел в отместку... волка.

Мораль рассказа

Козу зарезал мой сосед,
Он задал пир на диво,
И первым я на тот обед
Был приглашен учтиво.

Сосед умен, приятен, мил,
Он так хорош со мною...
Я, видно, зря его винил —

Я сам всему виною.

Беда, коль ближнему сосед
Не скажет слова толком,
Из пустяка плетет навет,
На друга смотрит волком.

Я подозренья заглушу,
Конец вражде и злости!
Сниму капусту — приглашу
К себе соседа в гости.

4 ноября 1943

ЦВЕТЫ

Жизнь снова входит в берега,
И, улыбаясь, смотрят мамы,
Как дети их бегут в луга,
Где стебли трав сочны и прямы.

Бегите, дети! Там и тут
Для вас цветов раскрыты чаши.
Пусть на просторе отдохнут
Сердчишки маленькие ваши!

А ветерок нежданно стих.
И сто стрекоз затрепетало
Над сказкой маков и гвоздик,
Что, будто ваши губы, алы.

И колыбельную шмели

Цветам поют о добром лете.
Цветы, они ведь тоже дети.
И как их много у Земли!

...Совсем недавно здесь нога
В немецком сапоге топтала
Вот эти чистые луга
Под мертвый лязг и гром металла.

Темнели избы сел от слез,
Репейник цвел на горькой тризне.
Ах, сколько здесь оборвалось
Прекрасных, мужественных жизней!

Но через слезы, пепел, кровь
Страна к победе шла великой,
И вот земля оделась вновь
В цветы и просветлела ликом.

И там, где серый рос бурьян,
Чтобы глазам детей согреться,
Цветы проклюнулись из ран,
Кровавых ран земного сердца.

Играйте, дети! Светел час
Земли, что повернулась к лету.
Но, может, кто-то и у вас
В семье погиб за землю эту?..

Тогда к доверчивым цветам,
Игрой веселою насытятся,

Вы, взрослые не по летам,
Губами теплыми прижмитесь.

Земные истины просты,
Единая жизнь на белом свете:
Цветы, они ведь тоже дети,
А дети разве не цветы?!

И луг, лучами напоен,
Порхает в бабочках и птицах,
И отсвет будущих времен
На детских пламенеет лицах.

9 ноября 1943

СИЛА ДЖИГИТА

Всем сердцем соколиным, всей душой
Дав клятву верности народу,
Он на плечо повесил автомат,
Сел на коня, готов к походу.

И там, где он прошел, был враг смят —
Валились пушки, танки тлели.
Откуда эта сила и огонь
В его как будто слабом теле?

Как знамя, верность родине подняв,
Джигит прошел огонь и воду,
Не автоматом, не конем силен,
А клятвою своей народу.

19 ноября 1943

НЕ ВЕРЬ!

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Устал он, отстал он, упал», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если верят в меня.

Кровью со знамени клятва зовет:
Силу дает мне, движет вперед.
Так вправе ли я устать и отстать,
Так вправе ли я упасть и не встать?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Изменник он! Родину предал», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят меня.

Я взял автомат и пошел воевать,
В бой за тебя и за родину-мать.
Тебе изменить? И отчизне своей?
Да что же останется в жизни моей?

Коль обо мне тебе весть принесут,
Скажут: «Погиб он. Муса уже мертвый?», —
Не верь, дорогая! Слово такое
Не скажут друзья, если любят тебя.

Холодное тело засыплет земля, —
Песнь огневую засыпать нельзя!
Умри, побеждая, и кто тебя мертвым
Посмеет назвать, если был ты борцом!

20 ноября 1943

ПЕСНИ МОИ

Песни, дети солнечного дара,
Расцветайте на земле моей!
Сколько будет силы в вас и жара —
Столько права жить среди людей.

Вы — мой свет, незамутненный, ранний.
Вы — слеза чистейшая моя.
Вы умрете — и меня не станет.
Не умрете — буду жив и я.

Слов родных кружащаяся вьюга,
Ты мне больше жизни дорога.
Нежной песней — утешал я друга.
Грозной песней — побеждал врага.

Не обманет маленькое счастье,
Мирное, уютное житье.
В бедах мира кровное участие —
Вечное призвание мое.

И пред смертью — никому в угоду
Не нарушу клятву я свою.
Песнь свою я посвятил народу.
Жизнь свою народу отдаю.

С жаркой песней по родному краю
Шел я, травы росные топча.
Песнь свою последнюю слагаю —
Под нависшей сталью палача.

Брезжится заря полоской алой.
Скоро хлынут белые лучи.
Жизнь моя — как песня прозвучала.
Смерть моя — как песня прозвучи!

26 ноября 1943

ДВУЛИЧНОМУ

Пускай моя одежда в ста заплатах,
Но нет в душе прорех и нет заплат.
А ты в нарядах щеголя богатых, —
Душа твоя залатана стократ.

28 ноября 1943

ИЗБРАННИК

Много к девушке-зорьке спешит женихов
Из заморской чужой стороны,
Все в парче да в атласе, и грузом даров
Их лады золотые полны.
Этот — жемчуг принес, тот — бесценный алмаз.
Кто ж, красавица, суженый твой?
Каждый слышит в ответ непреклонный отказ
И ни с чем уплывает домой.

Но пришел между ними однажды поэт
И принес он ей сердце свое,
Только сердце, где песни, где пламя и свет...
Вот счастливый избранник ее!

29 ноября 1943

ЛЮБОВЬ

Любовь так долго юношу томила,
Что как-то раз, дыханье затая,
«Люблю» шепнул он робко. Но от милой
Капризницы не услышал: «И я!»

Была ли то уловка страсти скрытой,
Иль вправду был он безразличен ей, —
Не всё ль равно? Любовь в душе джигита
Всё ярче разгоралась, всё сильнее.

Пришла война и увела нежданно
Джигита в пламя и водоворот.
Любовь жила и заживляла раны
И за руку вела его вперед.

Сражался на переднем крае воин
За дом родной, за девушку свою.
Ведь имени джигита недостойн
Тот, кто не дышит мужеством в бою.

Любовь была и силой и опорой, —
Со страстной верой в битву шел боец.
Когда зажглась заря победы скорой,
Свалил джигита вражеский свинец.

Последнее дыханье в нем боролось
С угаром смерти. Бредил он, хрипя.

«Люблю...» — сказал он и услышал голос
Своей возлюбленной: «И я!..»

30 ноября 1943

МЕЧТА

Неволя, заточение, тюрьма:
Что день, что ночь — различья нету.
Стараются свести меня с ума,
Убить во мне стремленье к свету.

Сдавил дыханье каменный мешок,
Бьет кашель, немощна походка.
Я к двери подхожу, а там — замок,
В окно гляжу, а там — решетка.

И каждым утром виселица ждет.
Душа безмолвствует, тоскуя.
И радость лишь в глубоком сне живет,
И лишь в мечтах теперь живу я.

Когда сквозь прутья алая заря
Лучами камеру обводит,
Мне кажется: косынкою горя,
Ко мне любимая приходит,

Целует, улыбается и вот,
Тюремные раздвинув своды,
Берет меня за плечи и ведет
На праздник солнечной свободы.

В глаза глядит, как будто говоря:
«Напрасно ты не верил, милый,
Как видишь, я пришла, твоя заря,
И жизнь навеки озарила!»

Мечта, мечта!.. Но что бы без мечты
Я делал в каменной могиле?
Как хорошо, что есть хотя бы ты:
Мечту во мне не погасили!

Пусть мне не жить — мечта моя со мной!
Что все страдания и беды, —
Я чувствую: светлеет над страной,
Она близка, заря победы!

Ноябрь 1943

СЛУЧАЕТСЯ ПОРОЙ

Порой душа бывает так тверда,
Что поразить ее ничто не может.
Пусть ветер смерти холоднее льда,
Он лепестков души не потревожит.

Улыбкой гордою опять сияет взгляд.
И, суету мирскую забывая,
Я вновь хочу, не ведая преград,
Писать, писать, писать, не уставая,

Пускай мои минуты сочтены,
Пусть ждет меня палач и вырыта могила,

Я ко всему готов. Но мне еще нужны
Бумага белая и черные чернила!

Ноябрь 1943

ПАЛАЧУ

Нет, врешь, палач, не встану на колени,
Хоть брось в застенки, хоть продай в рабы!
Умру я стоя, не прося прощенья,
Хоть голову мне топором руби!

Мне жаль, что я тех, кто с тобою сроден,
Не тысячу — лишь сотню истребил.
За это бы у своего народа
Прощенья на коленях я просил.

Ноябрь 1943

ВОДОВОРОТ

Купалась девушка при лунном свете —
Совсем одна, среди быстрых волн речных,
То плавным лебедем скользила в струях,
То резвой рыбкой исчезала в них.

Вились колечки серебристой пены —
Спешили гибкий стан ее облечь,
Как черный шелк, расшитый жемчугами,
Густые волосы спадали с плеч.

Блестела кожа мраморным отливом,
Игривый смех носился вдоль реки.
Соперницей луны тайком любуясь,
Застыли ивы, стихли тростники.

Но слишком далеко, с волной играя,
Она, увлекшись, заплыла... И вот
Схватил ее и жадно, с грозным шумом
Стал втягивать тугой водоворот.

«Тону! Спасите!» — руки простирая,
Она взывала... И на помощь ей
Случайный путник — юноша, зашедший
В рыбацкий домик, — бросился скорей.

В поток нырнул джигит,
Из черной глубины
Ей к берегу помог добраться он,
Девичий стан увидел в блеске лунном,
В лицо взглянул — и замер, восхищен!

Зачем в глаза с улыбкой ты взглянула —
Мне душу этот взор прожег огнем,
Зачем меня в водоворот безумья.
Ты увлекла — и потопила в нем?

Всё я забыл в потоке этой страсти:
Печаль и радость, дружбу и вражду, —
И впрямь русалкой, гибкой и коварной,
Ты оказалась на мою беду!

А помнишь ли, когда сама тонула,
Я руку протянул тебе — и спас!
Сказала ты «спасибо» мне, но душу
Стрелой пронзила своенравных глаз.

Теперь и я тону... Поддай же руку,
Хоть искру милосердия прояви:
Спаси, спаси влюбленного — он гибнет
В водовороте колдовской любви!

Ноябрь (?) 1943

УГОЩЕНИЕ ПОЭТА

Толпой пришли к поэту стар и млад,
Уже гостями полон дом его.
Поэт повел их в тот роскошный сад.
Что вырастил близ сердца своего.

Потом, чтоб было весело гостям,
Бокалы песней он наполнил сам;
Искрится это жгучее вино —
В душе певца рождается оно.

И молодые, и бородачи
В огне той песни сделались хмельны.
В сердцах гостей веселые лучи
Надеждами и радостью полны.

Из-за стола поднялся старый дед.
Старик сказал взволнованно: «Друзья!
Я очень стар. Мне девяносто лет.

Но лучше пира не знавал и я.

Судьба мне посылала много бед.
Всю жизнь я шел по трудному пути.
Мне удалось в твоём саду, поэт,
Утраченную молодость найти».

Ноябрь (?) 1943

КАМЕННЫЙ МЕШОК

Цепи каменного мешка
Пусть твоя разорвет рука!
А не сможешь, так смерть предстанет
Ведь она здесь всегда близка!

Положили тебя в мешок,
Завязали под злой смешок.
Ставят в очередь твое тело,
Чтоб смолоть его в порошок.

Мелет мельница жизнь людей —
Громоздятся мешки костей.
Жернова ее из железа,
С каждым днем они всё лютей.

Мельник злится, от крови пьян:
Не мука — кровь течет из ран.
Жадно пьет ее клоп проклятый —
Бесноватый, слепой тиран.

Пусть умолкнет мельницы рев!

Пусть не вертит сила ветров
Крылья черные! Пусть не льется
Дорогая родине кровь!

Развяжите горы мешков!
Раздавите дом пауков!
Развалите мельницу пыток
Остриями гневных штыков!

Ноябрь (?) 1943

СНЕЖНАЯ ДЕВУШКА

В сияющий день на исходе зимы,
Когда оседает подточенный влагой
Рыхлеющий снег, от рассвета до тьмы
На горке Серебряной шумной ватагой
Крестьянские дети играли в снежки.
В тумане алмазной сверкающей пыли
Они кувыркались, ловки и легки
Потом они снежную деву слепили.
Стемнело. Морозило. В твердой коре
Застыли сугробы, дремотой объята.
И, девушку бросив одну на горе,
По светлым домам разбежались ребята.

А ночью повеяло с юга теплом.
И ветер, лаская дыханием влажным,
Нашептывал девушке сказку о том,
Как много прекрасного в солнце отважном:
«Ты солнца на знаешь. Могуч и велик
Наш витязь блистающий, с огненным телом,

Глаза ослепляет пылающий лик,
И землю он жжет своим пламенем белым!»

Но девушка только смеялась: «К чему
Мне солнце твое и весна молодая?
Я ваших страстей никогда не пойму:
Из белого снега, из синего льда я,
И в сердце холодном не сыщешь огня.
Дружу я с морозом и с ветром студеным,
А с солнцем простой разговор у меня:
Захочет — само пусть приходит с поклоном».

Светало. За лесом горел небосвод.
Могучее солнце взошло на пригорок,
Красавицу снежную манит, зовет,
Дарит ей лучей ослепительный ворох.
И девушка вздрогнула. Ранней зарей
В ней душу весна пробудила впервые, —
Любовь задает нам загадки порой,
И жар ее плавит сердца ледяные.

И снежная девушка к речке плывет,
Влюбленная в солнце, совсем как живая,
Туда, где под ветром ломается лед
И льдины грохочут, друг друга сжимая.
И солнце пленилось ее красотой
И, сняв ледяное ее покрывало,
В объятиях сжало рукой золотой
И снежную девушку поцеловало.

Ее опалило волшебным огнем...

Охвачена неодолимым порывом
И вся растворяясь в любимом своем,
Она зажурчала ручьем говорливым.

Прозрачные капли блестят на лице —
То слезы любви. Не узнать недотроги.
Где гордая девушка в снежном венце?
Где сердце, что было так чуждо тревоге?

В объятьях любимого тает она,
Течет, и поет, и горит, и сжигает,
Пока не затихла, как моря волна,
Когда она берега вдруг достигает.

Лишь в землю последняя слезка ушла...
Где снежная девушка с песней бежала.
Там выросла роза, как солнце светла,
Как солнце горящая пламенем алым.

Любовь, так и ты разливайся, горя!..
Мы с милой сольемся, как вешние воды,
Чтоб там, где любил я, где жил я все годы,
Багряные розы цвели, как заря.

4 декабря 1943

**ОДИН СОВЕТ
(О человечности)**

Людей-слонов нередко я встречал,
Дивился их чудовищным телам.
Но ведь судить о людях, я считал,
Должны мы не по виду — по делам.

Вот, говорят, силач — железо гнет,
Вода проступит там, где он пройдет.
Но будь ты слон, а я не признаю,
Коль дел твоих — по горло воробью.

Пускай на всем, что совершаешь ты,
Проступит след душевной чистоты:
Ведь сила не во внешности твоей,
А только в человечности твоей.

В твоих делах проявится сама
И справедливость твоего ума,
И то, что сильным сердцем наделен,
Что ты любовью к родине силен.

Жить бесполезно — лучше уж не жить:
На ровном месте кочкою служить.
Свети потомкам нашим, как маяк,
Свети как человек, а не светляк.

Железо не ржавеет от труда,
И глина обожженная тверда,
Оценит мужа по делам народ,
Героя не забудет никогда.

9 декабря 1943

ДУБ

При дороге одиноко
Дуб растет тысячелетний,
На траве зеленой стоя,

До земли склоняя ветви.

Легкий ветер на рассвете
Между листьев пробегает,
Будто время молодое
Старику напоминает.

И поет он о минувшем,
Про безвестного кого-то,
Кто вскопал впервые землю,
Проливая капли пота.

Кто зажег в нем искру жизни?
Кто такой? Откуда родом?
Государем был великим,
Полеводом, садоводом?

Кем он был — не в этом дело:
Пот его в земле — от века,
Труд его — в стволе могучем:
Дуб живет за человека!

Сколько здесь прошло народу —
Проходившим счета нету!
Каждый слышал песню дуба,
Каждый знает песню эту.

Путник прячется в ненастье
Под навес зеленолистый;
В зной работников усталых
Дуб зовет во мрак тенистый;

И недаром лунной ночью
Он влечет к себе влюбленных,
Под шатром соединяя
Тайной страстью опаленных;

Заблудившимся в буране
Путь укажет самый краткий;
Тех, кто жнет, горячим летом
Напоит прохладой сладкой...

Преклонюсь перед тобою,
Счастлив ты, земляк далекий.
Памятник тебе достойный
Этот старый дуб высокий.

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело
Словно дуб тысячелетний.

10 декабря 1943

СОН РЕБЕНКА

Как цветок на пуху,
Он в кроватке лежит.
Глаз нельзя отвести —
Очень сладко он спит.
Повернется во сне,
Полной грудью вздохнет,
Будто розовый цвет,

Нежный бархатный рот.
Сон на яблочках щек,
На фиалках ресниц,
Сон на влажных кудрях, —
Спи, родной, не проснись!

Ишь нахмурил во сне
Шелковинки бровей!
Одеяльце во сне
Сбросил ножкой своей.
Обнял куклу рукой —
Мой анис, мой нарцисс,
Баю, баю, баю!
Спи, родной, не проснись!

Все молчит. Тишина.
Можно только шептать,
Говоря меж собой,
Чтоб ему не мешать.
Чу! Ступайте легко,
Пусть ничто не скрипит.
Не будите его —
Пусть он досыта спит.

Трех назойливых мух
Шалью выгнали вон,
Только б сладко он спал.
Только б выспался он.
Все притихли над ним,
Мать склонилась над ним
Чутко сон бережет

Нежным сердцем своим.

11 декабря 1943

ВОЛШЕБНЫЙ КЛУБОК

Как волшебный клубок из сказки
Катился мой жизненный путь.
На закате у этого дома
Остановился я отдохнуть.

Как владыка дивов из сказки,
Вышел хозяин навстречу мне:
Мертвый орел вместо шапки,
Топор висит на ремне.

Железные двери, как в сказке.
В железе дыра, и в нее
Смотрит див ежедневно —
Добро проверяет свое.

На ста кострах ежедневно
Жарят шашлык из людей...
И сюда меня черная доля
Завела из отчизны моей!

Эх, сказки моей бабушки,
Тягаться с правдой не вам!
Чтоб рассказать о страшном,
К каким обращусь словам?

Здесь всюду стоят калканы,

Чтоб ты убежать не мог.
Тень смерти на всех переулках,
На каждой двери замок.

У дива такой порядок:
Умному — голову с плеч!
А матерей и младенцев —
В стальной каземат — и сжечь!

А чернобровым джигитам,
А девам, подобным хурме, —
Без пищи, без воли зачахнуть
На тяжелой работе в тюрьме!..

Видеть, как плачет юность,
Видеть цвет увяданья на ней —
Страшной сказки страшнее,
Тяжкого сна тяжелей.

И мой черед скоро настанет,
Но песни мои повторят для вас
Ягоды, и цветы, и груши, и сосны,
И все, что ласкал я в пути не раз...

Как волшебный клубок из сказки,
Песни — на всем моем пути..
Идите по следу до самой последней,
Коль захотите меня найти!

12 декабря 1943

В СТРАНЕ АЛМАН¹

И это страна великого Маркса?!
Это бурного Шиллера дом?!
Это сюда меня под конвоем
Пригнал фашист и назвал рабом?!

И стенам не вздрогнуть от «Рот фронта»?
И стягу спартаковцев не зардеть?
Ты ударил меня, германский парень,
И еще раз ударил... За что? Ответь!

Тому, кто любил вольнодумца Гейне
И смелой мысли его полет,
В последнем жилище Карла и Розы
Пытка зубы не разожмет.

Тому, кто был очарован Гете,
Ответь: таким ли тебя я знал?
Почему прибой симфоний Бетховена
Не сотрясает мрамора зал?

Здесь черная пыль заслоняет солнце,
И я узнал подземную дверь,
Замки подвала, шаги охраны...
Здесь Тельман томился. Здесь я теперь.

Неужто и мне, как Розе и Карлу,
Смерть суждена от своры борзых?
И меня поведут, и меня задавят,

¹ Алман — Германия (по-арабски).

И сбросят с моста, как сбросили их?!

Кто Цеткин внук?! Кто Тельмана друг?!

Есть среди вас такие, эй?!

Услышьте голос стальной воли —

Откройте наши тюрьмы скорей!

С песней придите. Придите так же,

Как в девятнадцатом шли году:

С кличем «Рот фронт», колоннами, маршем,

Правый кулак подняв на ходу!

Солнцем Германию осветите!

Солнцу откройте в Германию путь!

Тельман пусть говорит с трибуны!

Маркса и Гейне отчизне вернуть!

Кто Цеткин внук?! Кто Тельмана друг?!

Есть среди вас такие, эй?!

Услышьте голос великой правды!

Наши тюрьмы откройте скорей!

19 декабря 1943

О ГЕРОИЗМЕ

Знаю, в песне есть твоей, джигит,

Пламя и любовь к родной стране.

Но боец не песней знаменит:

Что, скажи, ты сделал на войне?

Встал ли ты за родину свою

В час, когда пылал великий бой?
Смелых узнают всегда в бою,
В горе проверяется герой.

Бой отваги требует, джигит,
В бой с надеждою идет, кто храбр.
С мужеством свобода, что гранит,
Кто не знает мужества — тот раб.

Не спасись мольбою, если враг
Нас возьмет в железный плен оков.
Но не быть оковам на руках,
Саблей поражающих врагов.

Если жизнь проходит без следа,
В низости, в неволе, что за честь?
Лишь в свободе жизни красота!
Лишь в отважном сердце вечность есть!

Если кровь твоя за родину лилась,
Ты в народе не умрешь, джигит.
Кровь предателя струится в грязь,
Кровь отважного в сердцах горит.

Умирая, не умрет герой —
Мужество останется в веках.
Имя прославляй свое борьбой,
Чтоб оно не молкло на устах!

Декабрь 1943

Придет и нас освободит Москва,

На палачей обрушив гнев народа!
Горят на алом знамени слова:
«Жизнь и свобода».

Декабрь (?) 1943

Юность, юность, сердце обжигая,
За собой меня ты не зови:
Дочка у меня уже большая.
Старикан я. Мне не до любви.

Декабрь (?) 1943

МОЙ ПОДАРОК

Моему бельгийскому другу Андре, с которым познакомился в неволе.

Когда б вернуть те дни, что проводил
Среди цветов, в кипенье бурной жизни,
Дружище мой, тебе б я подарил
Чудесные цветы моей отчизны.

Но ничего тут из бывшего нет —
Ни сада, ни жилья, ни даже воли.
Здесь и цветы — увядший пустоцвет.
Здесь и земля у палачей в неволе.

Лишь, не запятнанное мыслью злой,
Есть сердце у меня с порывом жарким.
Пусть песня сердца, как цветы весной,
И будет от меня тебе подарком.

Коль сам умру, так песня не умрет,
Она, звеня, свою сослужит службу,
Поведав родине, как здесь цветет
В плененных душах цвет прекрасной дружбы,

Декабрь (?) 1943

ЧЕТЫРЕ ЦВЕТКА

Преграждая путь гремящим «тиграм»,
Ждут в овраге пятеро солдат;
Разложив гранаты и бутылки,
Зорко за противником следят.

Вот один из гадов стальногогрудых,
Остановленный, пройти не смог
И свалился набок у кювета,
К облакам задрав свой черный рог.

Рвутся «тигры», изрыгают пламя,
Всё теснее их зловещий круг.
И средь пятерых солдат нашелся
Жалкий трус, он руки поднял вдруг.

Но сосед-боец, приятель прежний,
Гневно в спину штык ему вонзил:
«Смерть прими от земляка, предатель,
Если ты насквозь душой прогнил!»

Бой закончен. Вражеские танки
Не смогли пробиться под огнем.
Пятеро солдат лежат в овраге,

Успокоившись последним сном.

И четыре алые гвоздики
Славные могилы осенят,
Но репейник вырастет на пятой,
Где схоронен трус, а не солдат.

Вы придите, девушки, к могилам,
Вырвите репей, что вырос там,
И отдайте всю любовь и ласку
Алым, незапятнанным цветам!

Декабрь (?) 1943

РЫБАКИ

Над песчаным обрывом рыбачья артель
У своих шалашей запалила костер.
Брызги-искры и страстные песни рекой
Потекли по-над степью в пустынный простор.
Пламя занавес ночи раскрыло, и вот
Стал открытою сценой прибрежный обрыв.
Вышел стройный джигит и по кругу поплыл.
Ярко вспыхнул огонь, плясуна озарив.
Парень пляшет, и ветви склонившихся ив,
И шуршащие глухо в вечернем дыму
Тростники, и свои же друзья-рыбаки
Прославляют его, рукоплещут ему.
Триста центнеров рыбы — улов рыбаков!
Наградил их Байкал, — и сегодня они
Воротились и празднуют у шалашей
И на радостях жгут на привале огни.

Их сердца не размякли от стылой воды,
Их отвагу и ветер развеять не смог.
Настоящий рыбак не устанет вовек,
Триста центнеров рыбы добыв за денек.
Лишь один на серебряный месяц глядит,
Опустившись в сторонке на грудку песка,
И тоскует его молодая душа
О любимой, что так от него далека.
Триста центнеров рыбы ему ни о чем,
Коль стотонною тяжестью давит тоска.
Он не в силах заснуть, он мечтает всю ночь
О любимой, что так от него далека.

Декабрь (?)

РАНЫ

Вы с нами, сестры неясные, так долго
Делили бремя тяжкое войны!
Глаза у вас от дыма почернели
И кровью рукава обагрены.

Вы раненых из боя выносили,
Не вспоминая, что такое страх,
Под вашими руками засыпали
Уставшие в походах и боях.

Мы помним ваши светлые улыбки
И брови соболиные дугой.
Спасибо вам за добрую заботу,
Любимицы отчизны дорогой!

И в день победы, отогнав печали,
Обняв букеты полевых цветов,
Вы свет несете душам утомленным
На пепелища отчих городов.

Немало ран, красавицы родные,
В краю родном придется врачевать.
Враг побежден, но каждый город — ранен,
В слезах ребенок, потерявший мать.

Пусть ваши руки, маленькие руки,
Подымут бремя радостных забот:
Вы города немые оживите!
Родными станьте тысячам сирот!

Вы на поля, пропитанные кровью,
Как вешний дождь, пролейте мирный пот!
Идите, сестры! Вас на подвиг новый
Израненная родина зовет!

Декабрь (?) 1943

ГРОБ

Девяносто Фаруку
Стукнуло лет
Голову на руки
Уронил мой дед.
Сидит на кровати
Нечесанный, босой,
Думает: «Хватит!
Пора на покой.

Под солнцем человеку
Как ни хорошо,
Всё же не навеки
На землю я пришел.
Пожито вдоволь,
Надо совесть знать,
Давненько я вдовый,
Время помирать.
Дед оделся наскоро
И поплелся, чтоб
Приглядеть у мастера
Подходящий гроб.
Гробовщик, как надо,
Сбивал доску с доской,
Парикмахерская рядом
Была с мастерской.
И навстречу Фаруку —
Девушка-весна.
Вышла в белом фартуке
На крыльцо она.
Алые щечки,
Юность-красота!
Веселые щелочки —
Черные глаза.
„Ты куда направился,
Старый бабай?
Если гроб понадобился,
Там выбирай!..“
Девушка смеется.
И ротик так уж мил!
Дед на месте мнется.

Вдруг спину распрямил:
„На что мне гроб могила?
Меня за воротник
Смерть не схватила.
Шутить я не привык.
И как вам только нравится
Такое говорить?!
Я к вам иду, красавица,
Бороду побрить“.

Декабрь (?) 1943

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Андре Тиммермансу

Здесь нет вина. Так пусть напитком
Нам служит наших слез вино!
Нальем! У нас его с избытком.
Сердца насквозь прожжет оно.

Быть может, с горечью и солью
И боль сердечных ран пройдет...
Нальем! Так пусть же с этой болью
Уходит сорок третий год.

Уходишь, борода седая,
Навеки землю покидая?
Ты крепко запер нас в подвал.
Прощай! На счастье уповая,
Я поднимаю мой бокал.

Довольно жизням обрываться!
Довольно крови утекло!
Пусть наши муки утолятся!
Пусть станет на душе светло!

Да принесет грядущий Новый
Свободу сладкую для нас!
Да снимет с наших рук оковы!
Да вытрет слезы с наших глаз!
Согрев целебными лучами,
Тюремный кашель унесет!
И в час победы пусть с друзьями
Соединит нас Новый год!

Пусть будут жаркие объятия
И слезы счастья на очах!
Пускай в честь нас печет оладьи
В родном доме родной очаг!
Да встретятся жена и дети
С любимым мужем и отцом!
И чтобы в радостной беседе,
Стихи читая о победе
И запивая их вином,
Истекший год мы провожали
И наступающий встречали
За пышным праздничным столом!..»

1 января 1944